

Очевидно, полочанам в 1338 г., учитывая сложную для них политическую обстановку, пришлось согласиться на дополнительное ущемление собственных интересов – за счет разницы «уровня» самой весовой пошлины.

«Нагроуs» — смесь золы, дегтя и смолы, которую недобросовестные купцы добавляли в воск для увеличения его веса (РЛА. С. 55. Прим. 11).

А. Л. Х., С. В. П.

10

*[1348 г. февраля 2 — 1377 г. или 1381 г. — 1387 г. апреля 27.
Полоцк]. — Вкладная запись вел. кн. пол. Андрея Ольгердовича
ц. Св. Троицы на р. Званицу с бобровыми гонами*

Вкладная грамота Андрея Ольгердовича датируется широким отрезком времени — периодом его полоцкого княжения. По мнению А. В. Кузьмина, отсутствие упоминания о свидетелях пожалования — архаичная черта формуляра этой грамоты, которая косвенно указывает на то, что она была составлена ранее жалованной грамоты Корсакам (№ 11), во всяком случае в первое княжения Андрея в Полоцке (Кузьмин. 2007б. С. 62). Однако отсутствие имен свидетелей может объясняться и другими причинами — недостатком места для них или же вовсе их необязательностью, поскольку считалось, что пожалование, оформляемое записью в Евангелии, совершается непосредственно перед Богом (Груша. 2012. С. 477). Недостатком места можно объяснить и другую особенность грамоты, которая отличает ее от № 11, — отсутствие отчества Андрея, постоянно присутствующего в летописных известиях о его деятельности. Вместе с тем имеются черты формуляра, общие как для двух грамот Андрея, так и для более широкого круга актов. Так, формула «А се азъ», открывающая грамоту, находит соответствия и в «русских» грамотах польского короля Казимира III Великого (1333–1370), и в более обширном актовом материале разных русских земель (Кауштанов. 1996. С. 96–99; Золтан. 2002. С. 558–559; Gudavičius. 2006. Р. 24). Не характерен для XIV в. термин «приход» в значении «доступ».

Андрей Ольгердович — старший сын Ольгерда от его первой жены, витебской княжны Марии. Андрей начал свою политическую деятельность во Пскове. В 1341 г. псковичи пригласили витебского князя Ольгерда на помощь против Ордена. В 1342 г. Ольгерд с сыном приехал во Псков, где и «повеле крестить сына своего» (НПЛ. С. 354). Крещение состоялось в церкви Св. Троицы (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 274), молодому князю нарекли имя Андрея. После этого Ольгерд «посади его во Плескове» (НПЛ. С. 354).

В Полоцке Андрей вокняжился, судя по всему, сразу после гибели в 1348 г. прежнего полоцкого князя Глеба-Наримонта (подробнее о нём см. комментарий к № 7) и оставался там до 1377/78 г. Уже после гибели 15 апреля 1349 г. князя Юрия Витовтовича — вероятно, псковского наместника Андрея Ольгердовича — псковичи упрекали Андрея: «инде собе княжишь, а Псков повергъ, то оуже еси самъ лишилъ Пскова» [ПЛ. Вып. 1. С. 21; Вып. 2. С. 26–27, 98–99 (цитата)]. В 1349/50 г. Андрей «с полочаны» повоевал Вороначскую волость Псковской земли (ПЛ. Вып. 2. С. 27). Помимо этого, за время своего первого княжения в Полоцке Андрей участвовал в целом ряде военных предприятий Гедиминовичей: в 1359 г. он участвовал в походе на Смоленское княжество (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68), а в 1368 г. целью его похода снова были Хорвач и Родня [ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. С. 79 (о походе Ольгерда под Смоленск); Т. 18. С. 107; Т. 35. С. 29, 48, 105]. В 1372 г. в союзе с великим князем тверским Михаилом Александровичем князя Андрей Ольгердович, Кейстут, Витовт и Дмитрий Друцкий захватили Кашин (ПСРЛ. Т. 18. С. 188; Т. 15. С. 431; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 297), Торжок, Любуцк, Дмитров и Переяславль (ПСРЛ. Т. 35. С. 120). На обратном пути Андрей

Полоцкий и Кейстут в союзе с Михаилом Тверским захватили Кашин и привели его к подчинению тверскому князю. Однако «услуга» не осталась безнаказанной Михаилу Александровичу. Андрей Полоцкий и Дмитрий Друцкий, «мимо Тверь идучи, много пакости учиниша» (ПСРЛ. Т. 15. С. 431), согласно Рогожскому летописцу, «много зла створили христианом» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. С. 100).

В середине 70-х гг. в сфере внимания полоцкого князя постоянно находились взаимоотношения и Орден, достигшие в это время большой остроты. Договор 7 ноября 1367 г. Ольгерда и Кейстута с магистром, содержащий договоренность о соблюдении границ между Икскюлем и Витебском (LECUB. Bd. 2. № 1041. S. 772–773; Chartularium. 2003. № 81 P. 302; *Лицкевич*. 2010б. С. 104–106), соблюдался в течение 6 лет. В ответ на агрессивные действия дюнабургского комтура войско, руководимое Андреем Полоцким, в 1373 и 1374 гг. совершало походы на Дюнабург. Во втором из них участвовал и Друцкий князь (de Odriske) (SRP. Bd. 2. S. 104). Два похода были совершены в 1375 г. В феврале Андрей с тремя братьями и Кейстут напали на Ливонию с трех сторон и 8 дней находились в ее пределах. Весенний поход был ответом на ливонский поход в Литву. Однако расплачиваться за него пришлось полочанам. Комтур Розиттена напал на Полоцкую землю, пленил около 100 человек. В ноябре 1375 г. Андрей Ольгердович совершил ответный поход — одновременно по суше и по Двине и достиг владений дюнабургского комтура. На следующий год целью похода оказался замок Розиттен (SRP. Bd. 2. S. 105, 107–108, 111–112). Таким образом, борьба против Ливонии, в особенности дюнабургского и розиттенского комтуров, в середине 70-х гг. поглощала почти все силы полоцкого князя.

После смерти Ольгерда в 1377 г. положение кн. Андрея в ВКЛ изменилось к худшему: великое княжение перешло к Ягайлу, сыну Ольгерда от второго брака, поддерживаемому в это время Кейстутом. Тогда-то и была достигнута договоренность Андрея с его братьями о его статусе, оформленная документально, о чём Андрей вспоминал в 1385 г. (см. № 13, 14).

Помимо укрепления своего положения в Полоцке, князь Андрей сделал попытку расширить власть в Великом княжестве Литовском. Как старший сын Ольгерда он имел право претендовать на великое княжение, оказавшееся уже занятым. Вероятно, в этой связи Андрею пришлось обращаться за помощью к ливонскому магистру. Последний не упустил случая вмешаться во внутренние дела Литовского княжества и тотчас выслал войско на помощь Андрею [SRP. Т. 2. S. 591 (хроника Виганда Марбургского); *Kolankowski*. 1930. S. 18]. Благодаря этому осада Полоцка была снята. Тем не менее князю Андрею пришлось покинуть город, и уже зимой 1377/78 г. он «прибѣже» во Псков, где «цѣлова крестъ ко псковвицам» и был принят ими на княжение (НПЛ. С. 375; ПЛ. Вып. 1. С. 24; Вып. 2. С. 105–106). Вскоре после этого Андрей отъехал отсюда через Новгород в Москву на службу к великому князю Дмитрию Ивановичу (будущему Донскому): «побыв немного в Пскове и иде на Москву к великому князю Дмитрею Ивановичю» (ПСРЛ. Т. 25. С. 200). И. Б. Греков предлагал два объяснения отъезда Андрея: это было «стремление московского князя Дмитрия иметь в своем непосредственном распоряжении влиятельного эмигранта из Литовской Руси или нежелание Пскова и Новгорода портить отношения с новым литовским князем Ягайло, союзником Орды, одержавшей только что победу на реке Пьяне» (*Греков*. 1975. С. 96–97). Не исключено, что в Москве полоцкий князь искал союзника в борьбе за возвращение своего и приобретение литовского великокняжеского стола.

В период службы Дмитрию Московскому Андрей Ольгердович принял участие в Куликовской битве 1380 г. (подробнее см.: *Кучкин*. 1980. С. 75, 87, 107, 111; *Флоря*. 1980. С. 140, 158–162). В Полоцк Андрей Ольгердович вернулся, по-видимому, не ранее лета 1381 г., когда борьба полочан против насильно навязанного им Ягайлом князя Скиргайла, остававшегося язычником, достигла апогея (*Kolankowski*. 1930. S. 20). Как подчеркивает Ш. Родевальд, полочане выдержали осаду без собственного князя и его «дружинников» (*Rohdewald*. 2005.

S. 98–99). Еще весной 1381 г. в Полоцке вспыхнуло восстание с целью изгнания Скиргайла (SPR. Bd. 2. P. 607; Bd. 3. P. 117), на исход которого повлияли перипетии внутренних распр в Литовском княжестве. Захват Кейстутом Вильни и арест его и матери сопровождался отъездом литовских войск из-под Полоцка. Скиргайло бежал к немцам, а в Полоцке была восстановлена власть Андрея Ольгердовича.

Возвращение на литовский великокняжеский стол Ягайла, произошедшее летом 1382 г., не сразу изменило положение князя Андрея. До тех пор, пока литовская сторона была заинтересована в союзе с Москвой, — а проект женитьбы Ягайла на дочери Дмитрия Донского, известный по описи архива Посольского приказа 1627 г., относится, скорее всего, к 1383–1384 г. (ОАПП. Ч. 1. С. 34; *Черепнин*. 1951. Ч. 1. С. 50–51; *Флоря*. 2007а; *Tęgowski*. 2009), — положение полоцкого князя, некогда соратника Дмитрия Донского, казалось прочным. Внешнеполитические успехи Ягайла, установление контактов с бывшим противником Витовтом Кейстутовичем, равно как и договоренность о бракосочетании с наследницей польского престола Ядвигой сделали этот проект неосуществимым. С прекращением литовско-московских переговоров о браке изменилось и положение полоцкого князя. Андрей Ольгердович стал лихорадочно искать союзников (см. ниже № 13, 14).

Среди них оказались ливонский магистр и, по-видимому, Дмитрий Донской. В московских войсках по-прежнему участвовал выходец из Полоцка сын Андрея Михаил (см. ниже комментарий к № 15). Еще одним союзником Андрея стал смоленский князь Святослав, недовольный потерей Мстиславля. Военные действия открылись 2 февраля 1386 г. (подробнее о них см. комментарий к № 15), но уже 29 апреля потерпели поражение смоленские войска. Когда же в начале 1387 г. и Полоцк был взят в результате обмана («лестью» — ПЛ. Вып. 2. С. 106), Андрей попал в плен и был отправлен в Литву, а затем в Польшу, в Хенцинский замок, где просидел до 1394 г. После этого он был выпущен по соглашению Гедиминовичей, некоторое время провел при королевском дворе и во Пскове, после чего вернулся в ВКЛ и погиб в сражении Витовта с татарами на Ворскле 12 августа 1399 г. (ПСРЛ. Т. 35. С. 64, 70; ПЛ. Вып. 2. С. 106; *Варонин*. 2009г. С. 2–6; *Tęgowski*. 1999. S. 67–71).

О получателе вклада, Троицком приделе Софийского собора, см. комментарий к № 4.

Р. Званица является левым притоком р. Дриссы и протекает в северо-западной части Полоцкой земли. При этом крайне неопределенно указаны границы пожалования. Неясно, переходили ли в собственность церкви Св. Троицы берега р. Званицы или церковь получала лишь право пользования водами реки. В грамоте № 11 точно указаны границы передаваемой земли. Различия описания пожалования могут объясняться характером его объекта: в одном случае — земля и вод, в другом — одних только вод. Труднее понять отличия второй половины диспозитивной части акта, где идет речь о запрете дальнейшего использования жалуемой территории:

№ 10

А к тои реце никому прихода неть.

№ 11

А через тот рубеж нашим людем не надобе ходити никому ни с собакою, а ни с пешнею.

Эта часть диспозиции грамоты № 10 также не имеет аналогий. Запрет в ней носит более общий характер, нежели в № 11, поскольку распространяется не только на людей полоцкого князя.

В санкции отличаются от акта № 11 и возможные нарушитель пожалования (в № 11 это великокняжеский человек, перешедший через границы нового владения, в № 10 — преемник князя Андрея на полоцком столе), и судья (соответственно князь и Св. Троица), и мера наказания (штраф в три гривны золота и проклятие). Обозначал ли в данном случае термин «золото» просто деньги [ср.: АСЭИ. Т. 3. № 127. С. 166 (1444–1461 гг.); № 142. С. 166 (ок. 1450 г.)] или был употреблен в прямом смысле, неясно.

В этих различиях заметно не только воздействие того обстоятельства, что адресатами грамот выступают в одном случае светские владельцы, а в другом — церковная организация. По-видимому, в формуляре грамот отразился и факт их составления в разных канцеляриях: № 11 — в княжеской, № 10 — в церковной. Зависимость формуляра от времени составления грамот проследить не удастся.

А. Л. Х., С. В. П.

11

*[Ок. 1370–1377 гг. или 1381 г. — 1387 г. апреля 27. Полоцк]. —
Жалованная грамота вел. кн. пол. Андрея Ольгердовича Фёдору
и его сыну Дмитрию [Корсакам] на с. Семенцово «на Березвячи»,
с указанием границ владений*

В 1-м издании ПГ грамота была датирована 1350–1378 гг. по времени первого княжения Андрея Ольгердовича в Полоцке (ПГ. Вып. 1. № 6. С. 43) или 80-ми гг. XIV в. — по упоминанию свидетелей (ПГ. Вып. 3. С. 140–152). А. В. Кузьмин на основе сведений о генеалогии Друцких князей отнес эту грамоту к первой половине 70-х гг. XIV в., до 1377 г. (*Кузьмин. 2007б. С. 61–62*). Действительно, с учетом верхней хронологической границы деятельности гарантов пожалования (начало второго десятилетия XV в.) грамота могла быть составлена, вероятнее всего, не ранее 1370 г.

В публикуемой копии жалованной грамоты Корсакам указано, что к оригиналу была привешена одна печать — стало быть, княжеская, как и к другим актам Андрея Ольгердовича (№ 13, 14) и прочих князей XIV в. (№ 9, 15, 17, 18) — за исключением, разумеется, записей в Евангелиях. Однако ничего не сообщается ни о материале печати, ни об изображении или надписи на ней. Подробное описание печатей Андрея Ольгердовича см. в Прил. № 2.

Настоящая грамота Андрея Ольгердовича — одна из немногочисленных жалованных грамот светским землевладельцам, выданных во владениях Гедиминовичей до прихода к власти Витовта. За этот период известны полные тексты лишь подольских грамот, выданных князьями Кориатовичами (*Tęgowski. 2005*). Для Литовской земли подобные грамоты известны лишь по упоминаниям (*Jablonskis. 1933b. P. 397*).

Получатели пожалования Фёдор с сыном Дмитрием — по-видимому, первые известные представители знаменитого впоследствии полоцкого рода Корсаков. Фёдор упоминается в грамотах № 13 (как «старший из... бояр» Андрея Ольгердовича в 1385 г.) и № 61, на обороте которой оттиснута печать из желтого воска с родовый знаком Корсаков по центру. В пользу идентификации Фёдора и Дмитрия как представителей рода Корсаков говорит расположение пожалования. В XV в. земли Корсаков находились в той же западной или, скорее, северо-западной части Полоцкой земли, что и зѣмли, тянувшие к с. Семенцову.

Земли, передаваемые Фёдору и Дмитрию и принадлежавшие к округе села Семенцова, располагались в западной части Полоцкого княжества. Вплоть до конца XIX в. существовало село Прудовое, погост и село Березвячь, сѣла Залесье и Заборье, правда последнее располагалось в значительном отдалении от первых. По-видимому, настоящей грамотой в руки Корсаков передавались весьма обширные и, насколько можно судить по большому количеству населенных пунктов, хорошо освоенные земли. Этим, вероятно, и определялась необходимость точного указания «рубежей», как правило, отсутствующих в жалованных грамотах XIV в. (ср. № 10).

Грамота содержит уникальное запрещение: «А через тот рубеж нашим людям не надобе ходити никому ни с собакою, а ни с пешнею». Аналогии этому запрещению неизвестны.

В грамотах Северо-Восточной Руси собаки упоминаются как неперемнная принадлежность княжеской охоты: «ни собак моих у них не ставят кормить» [АСЭИ. Т. 2. № 426. С. 466 (июль 1502 г.)], «псари... мои съ собаками въ их деревни ездять полничяти» [АСЭИ. Т. 2. № 206. С. 134 (1471–1475 гг.)]. Можно думать, что и в данном случае речь шла о запрещении великокняжеской охоты или охоты великокняжеских людей на передаваемых Корсакам землях. Вторая часть запрещения касалась либо великокняжеских рыболовов, либо бортников. Слово «пешня» в русском языке, во всяком случае в позднейшее время (XVII–XIX вв.), имело два основных значения: железный лом с трубкой, в которую вставлялась рукоять (употреблялся для колки льда и копки), долото на долгом черене, служившее для долбления ульев (*Даль*. 1882. С. 109; *СлРЯ*. Вып. 15. С. 42). По аналогии с первым запрещением (охоты) второе можно расценить как запрещение рыболовства, причем зимнего, когда для создания неводных прорубей следовало пользоваться пешней.

Грамота называет должностное лицо, в обязанности которого входило оформление границ земли («рубеза зарубати»), «ездока», известного еще со времен Русской правды (в форме «ездовой») и постоянно упоминающегося в актах Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. («ездок») (ПРП. Вып. 1. С. 107).

Кн. Василий Друцкий, согласно правдоподобному предположению А. В. Кузьмина, идентичен кн. Василию Михайловичу, который вместе со своей женой княгиней Василисой дал и оковал Евангелие в церковь Пречистой Богородицы в Друцке, а также осуществил ряд пожалований тому же храму (см.: СК XIV в. Вып. 1. С. 330–331). Судя по данным помянника Киево-Печерской лавры и ряда других источников, кн. Василий был сыном Михаила Михайловича Друцкого (Древний помянник. 1892. С. 31). В. М. Друцкий умер до 12 августа 1399 г., поскольку в известии Московского летописного свода конца XV в. о состоявшейся в этот день битве на Ворскле его сын Андрей Васильевич Друцкий назван пасынком князя Дмитрия Ольгердовича (ПСРЛ. Т. 25. С. 229), а возможно, и ранее — до 12 октября 1398 г., когда одним из гарантов Салинского договора Витовта с Орденом был кн. Иван Друцкий (SVDO. Bd. 1. № 2. S. 12). Другим сыном кн. В. М. Друцкого был Глеб, отъехавший в конце 1377 г. с Андреем Ольгердовичем во Псков, а оттуда через Новгород в Москву, и погибший в сражении с нижегородско-суздальскими князьями 15 января 1411 г. (ДРВ. Ч. 6. С. 452). Наконец, как предполагает А. В. Кузьмин, сыном В. М. Друцкого мог быть Лев — свояк и союзник Витовта, который в 1383 г. отправился с ним в Пруссию и был одним из гарантов договора Витовта с Орденом 30 января 1384 г. (СЕВ. № 13, 101. Р. 3–4, 31–32; подробнее см.: *Кузьмин*. 2007б. С. 50–63).

Братоша — боярин нелитовского происхождения, которого позднейшие генеалогии выводят от сербских князей, живших в Молдавии, родоначальник Зеновичей (Зеновьевичей). Сохранились сведения о поручительстве литовских бояр за него, в котором было названо и его отчество — Койлутович (*Halecki*. 1919. S. 166; *Лицкевич*. 2014. С. 29–31). Вотчина — Мышь или Мысса, локализация которой остается дискуссионной (населенные пункты с подобным названием известны в Гродненской и Брестской областях Беларуси). На связи Братоши с Полоцкой землей указывают его участие в посольстве Семёна-Лугвеня Ольгердовича, ранее княжившего в Полоцке, в Новгород в 1388 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 214), выполнение поручений Витовта в Полоцке в 1399 г. (HUB. Bd. 5. № 364. S. 184), а возможно, и существование в Полоцкой земле с. Браташино, упоминаемого в 1500 г. (см. № 363). Братоша был свидетелем (гарантом) присяжной грамоты Дмитрия Ольгердовича королю Владиславу Ягайлу и королеве Ядвиге 16 декабря 1388 г., одним из поручителей по Гридке Константиновиче кн. Скиргайлу ок. 1392 г. (*Пещак*. № 47, 54. С. 98, 108). Впоследствии боярин Витовта, свидетель (гарант) Городенского и Салинского договоров Витовта с Тевтонским орденом 1398 г., Виленского акта унии с Польшей 18 января 1401 г., Рацёнжского договора с Орденом 1404 г. (СЕВ. № 103). Умер, вероятно, до 1414 г., т. к. в этом году его сын Зеновий получил от Ви-

товта подтверждение на вотчинные владения (Vitoldiana. S. 74; подробнее см.: *Пташицкий*. 1878; *Ptaszycki*. 1894; *Petrauskas*. 2003. P. 62, 82–83, 217–218; *Karpova*. 2007; *Лицкевич*. 2014).

Гирдений Забельский идентификации не поддается. Его имя указывает на литовское происхождение (ср. кн. Герденя грамоты № 1).

А. Л. Х., С. В. П.

12

1380 г. [февраля 27]. Рига. — Договор лив. магистра [Вильгельма фон Фримерсгейма], с одной стороны, и вел. кн. лит. Ягайла и полочан, с другой, о перемирии сроком до 1380 г. мая 13

Дневная дата выдачи акта определяется по году и указанию на следующий день после воскресенья Окули (лат. *Oculi*), называемого так по первым словам литургии: «*Oculi mei semper ad Dominum, quia ipse evellet de laqueo pedes meos*» (Пс. 24:15, в русском Синодальном переводе: «Очи мои всегда к Господу; ибо Он извлекает из сети ноги мои»; см.: *Grotefend*. 1891. S. 138). Это воскресенье в католической Церкви начинает третью неделю Великого Поста и в 1380 г. приходилось на 26 февраля. Сроком истечения договора названа Пятидесятница — 13 мая того же года.

Договор о перемирии между ливонским магистром Вильгельмом фон Фримерсгеймом, с одной стороны, и великим князем литовским Ягайлом и полочанами, с другой, принадлежит к числу тех нескольких договоров, которые новый правитель Великого княжества Литовского заключил с крестоносцами в первые же годы своего правления. В отличие от своего отца и предшественника Ольгерда, который в последние годы своего княжения вел непрерывную борьбу с Орденом, Ягайло практически сразу взял курс на примирение с крестоносцами. И перемирие, заключенное в Риге 27 февраля 1380 г., было одним из важных шагов в этом направлении, пусть оно пока и имело локальный «ливонский» характер (упоминаемые в нём *praefectores* — это сановники, т. е. комтуры, ливонского отделения Ордена: *Jähnig*. 2011. S.145). Дальнейшие события показали, что за этим шагом последуют и другие, еще более значимые. Так, например, владения Кейстута исключены из сферы действия как Рижского перемирия, так и договора, который Ягайло заключил с великим магистром Тевтонского ордена Винрихом фон Книпродде 31 мая 1380 г. в Давидишках (Даудишках) (LECUB. Bd. 3. Sp. 361–362; *Лицкевич*. 2010б. С. 110–112). Этот последний договор распространялся не только на прусское, но и на ливонское отделение Тевтонского ордена. При этом, по мысли Р. Варакаускаса, перемирие с ливонским отделением Ордена позволило Ягайлу изолировать Андрея Ольгердовича, который рассчитывал на союз с ливонцами (*Varakauskas*. 1982. P. 78–79). Вместе с тем договоры с Орденом, заключенные в самый канун Куликовской битвы, развязали Ягайлу руки для активных действий на Руси.

Рижский договор сообщает важные сведения о положении Полоцка в тот период. Полочане выступают в нём как вторая после и наряду с Ягайлом сила, вступающая в соглашение с ливонским отделением Ордена. Фактически Полоцк действует здесь как субъект международного права. И эта самостоятельность имела давние и прочные традиции. Так, в послании епископа Якова рижскому пробсту и городскому совету (№ 3) говорится: «была любовь ваша перва с полочаны, съ дѣтми моими: што вамъ было надобѣ, то было ваше». Аналогично в послании полоцкого наместника Монтигирда и полочан в Ригу конца XIV в. упоминается торговый мир, заключенный Ригой «со княземъ съ Семеномъ... і с мужи полочаны» (имеется в виду Лугвень), очевидно, относительно недавно (№ 32). Примечательно, что это послание

скреплено печатью не только Монтигирда, на нём также оттиснута «печать полоцкая и святое Софии», стабильно использовавшаяся вплоть до введения магдебургского права в 1498 г. В 1338 г. полочане целовали крест на соблюдении литовско-ливонского договора (№ 8), а об их участии в последующем заключении договора о взвешивании подробно рассказывается в современном рижском документе (см. Прил. № 1 и комментарий к нему). В сентябре 1386 г. смоленский князь Юрий Святославич, присягая Ягайлу и Скиргайлу, обещал «со Ондреемъ Полоцкимъ и с полочаны миру не держати... а ни сылатися» (СГ. С. 72). В уставе рижского торгового двора в Полоцке, датированном 29 сентября 1393 г., предусматривалась ситуация, когда купцам нужно было идти вместе с их старостой «к королю или к полочанам» (HUB. Bd. 5. № 125. S. 74. § 4). Несомненно, здесь нашла отражение более ранняя практика, поскольку Скиргайло был сведен с полоцкого стола всего лишь за несколько месяцев до этого (подробнее см. Прил. № 3 и комментарий к нему). Эти традиции сохранялись и впоследствии, после того как Полоцк перешел под власть великого князя литовского, сажавшего там своих наместников.

Как явствует из Рижского перемирия, в момент его заключения Полоцк признавал верховную власть Ягайла или, по крайней мере, не враждовал с ним, как это было буквально двумя годами ранее. Но княжил ли там в это время какой-либо его ставленник? Исключать этого полностью нельзя: в эти годы князья менялись здесь часто, и указание в договоре имени одного из них могло, в случае смены этого князя, поставить под сомнение законную силу всего договора — по крайней мере, в отношении Полоцка. В этом и могла заключаться одна из причин, по которой в качестве контрагента выступили непосредственно сами полочане — «illi de Plotzek».

Зимой 1377/1378 г. войско Великого княжества Литовского изгнало из Полоцка Андрея Ольгердовича, правившего городом на протяжении трех десятилетий. Через некоторое время новым полоцким князем стал Лугвень (в православном крещении Семён) Ольгердович, брат Ягайло. Об этом свидетельствует надпись на печати, привешенной к договору Ягайла и Кейстута с прусским отделением Ордена 29 сентября 1379 г.: «**ПЕЧАТЬ | КНАЗА ВЕ|ЛИКОГО СЕ|МИ|ШНА П|О|Л|ОЦКОГО**» (оригинал: GStAPK, XX. HA, Perg.-Urk., Schiebl. 52. № 3; публ.: *Rimša*. 2002. P. 91–92. См. каталог печатей в настоящем издании: Т. 1. Табл. I, № 5, 6). И Лугвень действительно назван в тексте договора, хотя и без титула полоцкого князя: он заключил его вместе с Ягайлом, тогда как совместно с Кейстутом договор скрепил своей печатью его сын Витовт (CDPr. Bd. 3. № 134. P. 182). Несомненно, Лугвень и был тем князем Семёном, который осуществил пожалование села на р. Ушачи Троицкому приделу Софийского собора, известное по позднему упоминанию (ПР 1552 г. С. 174). Вполне возможно, что тот же Лугвень правил Полоцком и в конце зимы 1380 г., хотя мы и не находим подтверждения этому в источниках.

Как бы то ни было, княжение Лугвеня в Полоцке было не слишком продолжительным. Уже в 1381 г. войско ВКЛ под предводительством Скиргайла, еще одного брата Ягайла, совместно с ливонскими немцами пыталось взять Полоцк (ПЛ. Вып. 1. С. 24; Вып. 2. С. 29, 106). По свидетельству немецких хроник XIV–XV вв., в частности Виганда из Марбурга, и последовавшего за ним Яна Длугоша, причиной этого похода стало нежелание полочан принять на княжение Скиргайла (SRP. Bd. 2. S. 607–608; Bd. 3. S. 116–117; *Dlugossius*. 1985. Lib. 10. P. 94–96; см. также: *Varakauskas*. 1982. P. 79; *Nikodem*. 1998. S. 97). Полочане упорно защищали город. Опять-таки, в точности неизвестно, делали они это самостоятельно или во главе с Андреем Ольгердовичем, который к тому времени вполне мог вернуться из Москвы. Переворот 1381 г., приход к власти Кейстута и последовавший за этим новый виток внутривосточного противостояния в Литве на какое-то время оставил Полоцк вне поля активной деятельности великих князей литовских. Именно это и позволило вернуться в город его прежнему князю, Андрею Ольгердовичу — разумеется, если он не находился в Полоцке уже в 1381 г.

Вильгельм фон Фримерсгейм — брат Тевтонского ордена в Ливонии, ливонский магистр в 1364–1385 г., умер в марте 1385 г. (Ritterbrüder. 1993. № 260. S. 234–235).

Некоторые исследователи пытались отождествить упоминаемого здесь Германа с Германом Дасбергом, ездившим к Скиргайлу в 1393 г. (Maciejewska. 1933. S. 14–15; Лицкевич. 2010б. С. 109. Прим. 1; о Дасберге см. Прил. № 3 и комментарий к нему), однако для такого отождествления недостаточно оснований.

В. А. В., С. В. П.

13

1385 г. [октября 10]. Недрица. — Ленная грамота кн. пол. Андрея
Ольгердовича лив. магистру [Робину фон Эльтцу]

Как отмечено в видимусе 1386 г., в составе которого сохранилась ленная грамота Андрея Ольгердовича, ее текст был составлен параллельно на «русском» и латинском языках (см. Прил. № 2; там же см. об оформлении грамот Андрея). Поскольку «русский» текст грамоты не сохранился, остается лишь гадать, как он соотносился с латинским, — переводились ли латинские конструкции дословно, как в грамоте Герденя (№ 1) и договорах Смоленска с Ригой и Готским берегом, или же передавались при помощи неких устойчивых аналогичных по смыслу элементов «русского» формуляра. Во всяком случае латинский текст ленной грамоты не был вторичен по отношению к «русскому»: еще А. Прохаска справедливо отметил, что в целом ленная грамота Андрея оформлена по образцу типичного ливонского акта (Prochaska. 1894. S. 70–71). Формуляр ленной грамоты Андрея Ольгердовича обнаруживает черты, не свойственные полоцким грамотам конца XIV в. В интитуляции князь Андрей назван «королем» в Полоцке, а не «князем», при этом отсутствует определение «великий», обычное для интитуляции «русских» грамот Андрея (№ 10, 11). Я. Адамус привел целый ряд примеров титулования Гедиминовичей XIV в. в латиноязычных источниках «королями» (Adamus. 1930. S. 314ff.), поэтому высказанное им же мнение об отражении в этом титуле стремления Андрея к независимости от Ягайла представляется поспешным. Вообще, как показал тот же исследователь, титулатура литовских монархов и их родственников, княживших на Руси, в XIV в. очень сильно варьировала и далеко не была устоявшейся. В ленной грамоте Андрея Ольгердовича, в отличие от его «русских» грамот, имеется салютация, вслед за ней преамбула. При этом салютация ленной грамоты Андрея демонстрирует наибольшее сходство с салютациями и промульгациями латино- и немецкоязычных актов Ливонии и Северной Германии XIV – начала XV в. (см. о них подробнее: Gudavičius. 2006. P. 14, 16–23), под влиянием которых, возможно, аналогичная формула появилась в некоторых «русских» актах (Gudavičius. 2006. P. 23). Обычно кириллические акты разных частей Руси этого времени открывались вступительной частью интитуляции «се яз» (Кауштанов. 1996. С. 70, 96–99; Золтан. 2002. С. 558–559; Gudavičius. 2006. P. 24). Очень подробен конечный протокол, содержащий и сведения о печати, которой был скреплен акт, и дату.

Ленная грамота полоцкого князя Андрея Ольгердовича ливонскому магистру Робину фон Эльтцу явилась ответом на заключение 14 августа 1385 г. Кревского договора о браке Ягайла с Ядвигой, с одной стороны, и упрочение власти Ягайла в Литовском княжестве благодаря союзу с Витовтом Кейстутовичем, с другой (Maciejewska. 1933. S. 5; Kolankowski. 1930. S. 40). Ленная грамота предусматривала передачу княжества со всеми землями ливонскому магистру, переход самого князя и его наследников под покровительство Ордена и, наконец, защиту, оказание помощи князю Андрею в том случае, если ему это окажется необходимым. Для полоцкого князя именно последний пункт представлял особый интерес.

Обосновывая свои права на власть в Полоцкой земле, кн. Андрей ссылался на волю отца, подтвержденную согласием братьев и зафиксированную на письме. Решение о передаче княжества в лен Ордена было принято полоцким князем в согласии с его советниками. Фёдор, названный вторым из них, — очевидно, то же самое лицо, которое было адресатом грамоты № 11, то есть Фёдор Корсак, на этот раз названный «старшим из... бояр». Что касается первого советника, брата Фёдора, то его идентифицировать не представляется возможным. Гипотетическое отождествление его с Вежгайлом, наместником вилькомирским в 1398 г., или Вяжем — родоначальником Вяжевичей, предложенное в 1-м издании ПГ, не имеет под собой никаких прочных оснований. Его наименование *Werzilen* можно интерпретировать как прозвище «Верзила» или литовское имя «Виршила».

По справедливому предположению М. Космана, Ольгерд выразил свою последнюю волю исключительно устно, и лишь после его смерти отношения братьев были урегулированы и зафиксированы письменным документом. Требование Андрея зафиксировать его положение полоцкого князя в письменной форме создало прецедент для дальнейших отношений между князьями литовской династии. Оно свидетельствовало о повышении роли письменных документов в практике междукняжеских отношений и падении роли присяги как формы их урегулирования. М. Косман сопоставляет это новое явление с практикой русских междукняжеских докончаний, как правило, оформляемых в письменной форме (*Kosman*. 1971. S. 145). Предположение С. Смольки, что все удельные князья получали подобные грамоты (*Smolka*. 1889. S. 9), представляется маловероятным. Сама выдача подобной грамоты (или грамот) Андрею Ольгердовичу служит показателем кризисной ситуации, одной из причин которой была устная форма «завещания» Ольгерда, оставлявшая широкое пространство для его интерпретации.

Для понимания текста грамот № 13 и 14 существенны оттенки значения латинских терминов:

- а) *advocatus* — не имеет идентичного понятия в древнерусском и старобелорусском языках. Условно переводим его «службой», может быть значение «представитель», «советник» и даже «владельческий государь» (*Niermeyer*. 1954. Fasc. 1. P. 26–27). В источниках о ВКЛ XIV в. это слово употребляется в значении «наместник», «представитель», «уполномоченный» (*Petrauskas*. 2003. P. 169). Лишь впоследствии, после унии ВКЛ с Польшей и крещения Литвы, этим термином в ВКЛ стал обозначаться фогт, действовавший в городах на магдебургском праве (*Rohdewald*. 2005. S. 195). В Ордене же этот термин был названием одной из должностей в системе территориального управления, причем если в Пруссии фогт стоял на лестнице административной иерархии ниже комтура, то в Ливонии они находились на одном уровне. Фогт занимался сбором налогов и судом, но вместе с тем стояли во главе администрации таких замков, как Феллин, Розиттен и др. (*Militzer*. 2007. S. 114; *Jähnig*. 2011. S. 145–146, 221–222).
- б) термин *patentes litterae* — «открытая грамота» в практической дипломатике Руси не употреблялся. В дипломатике латинской Европы им обозначался любой документ, скрепленный снаружи печатью (вислой или отгиснутой внизу листа под текстом) и не свернутый или не сложенный в виде конверта, предназначенный для всеобщего оповещения (*Niermeyer*. 1962. Fasc. 9. P. 772). Данный термин можно интерпретировать и как «открытые грамоты» во множественном числе: в классической латыни слово *litterae* в значении «грамота, письмо» имело лишь форму множественного числа (*pluralia tantum*), в отличие от *littera* — «буква», но в средневековой латыни от этого правила могли делаться отступления. Поэтому остается неясным, сколько грамот выдали Андрею Ольгердовичу его братья — одну общую или несколько, каждый от своего имени.

- в) *habere, tenere, possidere* — три постоянно употреблявшихся в латиноязычных актах термина, обозначавшие: первый — условное владение землей (держание феода), второй — полную феодальную собственность на землю, третий — владение и пользование землей (*Niermeyer*. 1957. Fasc. 5. P. 478; *Niermeyer*. 1964. Fasc. 10. P. 1018; *Niermeyer*. 1962. Fasc. 9. P. 817).
- г) *dominium* — из многочисленных значений этого слова в данном случае наиболее подходящим представляется «владение» (*Niermeyer*. 1956. Fasc. 4. P. 353–354).
- д) *adjacentia* — угодья, округа (соседство), вообще то, что к чему-либо принадлежит (*Niermeyer*. 1954. Fasc. 1. P. 18).
- е) *pertinencia* — всё принадлежащее к домену, совокупность земельных угодий, составляющих домен, подчиненная территория, тянущая к замку или центру домена (*Niermeyer*. 1962. Fasc. 9. P. 793). В грамоте № 16 этот термин соответствует описанию: «усеми тыми места и города и волостми и людми, усею тою землею, што коли тягло и тягнетъ к городу Полоцку».

Недрица — населенный пункт в Ливонии близ границы с Полоцкой землей, ныне деревня и железнодорожная станция Ниедрица в Латвии, примерно в 15 км от латвийско-белорусской границы (*Варонін*. 1996. С. 48).

А. Л. Х., С. В. П.

14

1385 г. [октябрь 11]. Недрица. — Послание кн. пол. Андрея Ольгердовича великому магистру Тевтонского ордена [Конраду Цёльнеру фон Ротенштейну] с сообщением о передаче Полоцкой земли лив. отделению Тевтонского ордена в лен

Направленное великому магистру Тевтонского ордена Конраду Цёльнеру фон Ротенштейну послание полоцкого князя Андрея Ольгердовича уточняет условия договора, изложенного в грамоте № 13. Из послания явствует, что в договоре речь шла о передаче ливонскому магистру прав сюзерена, полоцкий же князь и его наследники продолжали владеть княжеством в качестве вассалов Ордена, как указано в грамоте.

Как отмечено в видимусе 1386 г., в составе которого сохранилось послание, оно было написано на немецком и лишь при подготовке видимуса переведено на латынь (Прил. № 2; там же см. об оформлении грамот Андрея Ольгердовича).

Послание носит черты составления в орденской канцелярии. Формуляр его весьма близок предшествующей грамоте. Воздействие полоцкой традиции можно обнаружить в обращениях полоцкого князя к орденским властям. Андрей Ольгердович называет ливонского магистра своим «братом», великого магистра — «отцом и дорогим другом». В латиноязычной практике этого времени не было обычая, чтобы светские власти называли руководителей ордена «отцом» [см.: LECUB. Bd. 6. № 2891. Sp. 227 (ок. 1366 г.); № 2894. S. 236 (1368 г.)], тогда как в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси термины родства характеризовали иерархию князей. Кроме того, «отец» — это и традиционное для русской дипломатики именование епископа в княжеских актах (*Кашитанов*. 1996. С. 101–102). Покоряясь рижскому епископу Альберту после похода на Ерсикю в 1209 г., ее князь Всеволод, по свидетельству Генриха Латвийского, «называл епископа отцом, а всех латинян братьями по христианству» (XIII, 4). В 1212 г. полоцкий князь Владимир, примиряясь с тем же епископом, назвал его «отцом духовным» (XVI, 2) (цит. по: *Генрих Латвийский*. 1938. С. 128, 154).

Хотя послание было составлено на немецком языке, некоторые его места дословно совпадают с элементами формуляра ленной грамоты Андрея Ольгердовича, написанной на латыни и «русском» (№ 13). Ниже такие элементы выделены полужирным шрифтом:

In presentibus publice profiteamur, quod nos christianitatis intuitu et ob respectum amicicie singularis, quam ad venerabiles religiosos dominos, ad magistrum et ad fratres Ordinis Theutunici in Lyvoniam, gerimus, **cum bona voluntate et animo deliberato**, et nostrorum heredum consensu attendente, necnon consiliariorum nostrorum, videlicet Werzilen, nostri advocati, ipsiusque fratris, nostrorum baronum superioris, Foder nuncupati, totum regnum Ploscoviensem, quod **pater noster Algirde, quondam rex Littovie, nobis in vita sua assignavit et dedit, et post patris obitum fratres nostri nobis dederunt et assignaverunt, sicut in eorundem fratrum nostrorum patentibus litteris clarius apparet**, venerabilibus religiosis dominis, magistro et fratribus Ordinis Theutunici in Lyvoniam damus et assignamus, ac rite et rationabiliter resignamus, in perpetuum libere habendum, tenendum et possidendum, sine impetitione qualicumque, cum omnibus dominiis, juribus, libertatibus, adiacenciis et pertinenciis, scilicet terris, civitatibus, castris, aquis, silvis et ceteris utilitatibus quibuscumque, sicut nos predictum regnum hucusque possedimus et in presentia possidemus.

Ceterum subicimus nos et committimus protectioni et defensionem nostrorumque heredes venerabilis domini magistri et Ordinis Theutunici in Lyvoniam, qui **nos et nostros heredes, si necesse fuerit, protegant et defendant**.

Et si quis nos vel nostros heredes a regno Ploscoviensi expellere conetur, ex tunc magister et Ordo in Lyvoniam nos seu nostros heredes suo possetenus adiuvant et protectione regni nobis seu nostris heredibus suis auxiliis fideliter assistant.

Scire debetis, quod optinimus diem placitorum in Nedritsen cum dilecto nostro fratre, magistro Lyvonie, feria tertia post festum beati Dionisii, et **cum bona voluntate et deliberato animo** dilectionis et amicicie ob respectum dedimus rationabiliter et totaliter resignavimus magistro et Ordini totum nostrum regnum in Ploskow perpetue libere possidendum, cum omnibus dominiis, pertinenciis, sicut **pater noster Algirden, quondam rex Littovie, in vita sua nobis idem regnum dederat, et post patris nostri obitum fratres nostri nobis dederunt, super quo patentibus litteras habemus fratrum nostrorum eorundem** et sicut actu predictum regnum possidemus.

Ceterum predictum regnum in Ploskow in presentibus recepimus a magistro Lyvonie et ab ordine perpetue a nobis et a nostris heredibus jure pheodali possidendum; nosque ipsos et liberos nostros committimus et dedimus magistro et Ordini, ita quod magister et Ordo **nos et nostros liberos protegant et defendant**, et sua auxilia erga nos et nostros liberos fideliter faciendo, **si quis nos vel nostros liberos expellere vellet de regno Ploscoviensi**, et juvare nos, quod regnum illud valeamus possidere.

Dilecte pater et care amice, magister generalis, rogamus etiam vos amicabiliter, quatenus nos et nostros liberos protegetis et juvare nos, **si quis vellet nos vel nostros liberos expellere de regno predicto**, quia totaliter committimus nos et nostros liberos vestre gratie.

Вместе с тем в некоторых случаях одни и те же мысли в двух грамотах выражаются по-разному: так, существенно различаются формулы корроборации, в № 13 блаженный Дионисий назван мучеником, в № 14 это определение отсутствует. Остается заключить, что при переводе послания Андрея Ольгердовича с немецкого на латынь рижский доминиканец Николай пользовался латинским текстом его ленной грамоты как образцом.

Составление послания Андрея Ольгердовича великому магистру на немецком объяснялось тем, что уже в конце XIV в. немецкий был распространен как язык письменной коммуникации между прусским и ливонским отделениями Ордена (*Forstreuter*. 1963. S. 378–380; см. также: *Glauert*. 2002). С другой стороны, если в Ливонии в силу ее активных контактов с Русью не было недостатка в знатоках «русского» языка, в том числе умевших читать и писать на нём (ср. введение к настоящему изданию в т. 1), то в Пруссии такие знатоки были большой редкостью, а переписка с Русью и Литвой велась на немецком и латыни (*Forstreuter*. 1931).

А. Л. Х., С. В. П.

15

[1386 г. февраля 2 — декабря 31. Полоцк]. — Послание вел. кнг. пол., супруги кн. Андрея Ольгердовича, и ее детей Семёна и Ивана [Андреевичей] совету и купцам г. Риги с просьбой выдать ее пушину купцам Пронку и Кольцу

С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов датировали грамоту концом XIV в. и считали, что она написана вдовой князя Андрея (*Обнорский, Бархударов*. 1952. С. 143–144). Однако Андрей Ольгердович погиб лишь в 1399 г., когда в Полоцке уже сидели наместники Витовта; между тем содержание грамоты и ее печати указывают на владельческие права княгини и ее сыновей по отношению к Полоцку.

Составление грамоты от имени жены и сыновей Андрея Ольгердовича говорит о том, что она писалась в его отсутствие в Полоцке, когда не было ясно, как скоро он туда вернется, скорее всего — в период военного похода. Поскольку в грамоте не упоминается старший сын Андрея Михаил, она была написана после его гибели, произошедшей в мае — июне 1385 г. (подробнее см. ниже). Поэтому представляется, что грамота была написана во время похода Андрея Ольгердовича совместно с ливонским войском на Литву, начавшегося 2 февраля 1386 г. (подробнее о нём см. комментарий к № 16). Эта дата принята в качестве нижней хронологической границы написания грамоты. Сложнее определить верхнюю границу. Андрей вернулся в Полоцк не ранее разгрома литовскими войсками на р. Вехре сил его союзника, великого князя смоленского Святослава Ивановича 29 апреля 1386 г., но когда именно это произошло, неизвестно. Несомненно, он был в Полоцке в начале 1387 г., раз в это время Скиргайло, взяв Полоцк, захватил Андрея в плен (см. комментарий к № 16). Поэтому условно верхней хронологической границей служит конец 1386 г., хотя вполне вероятно, что Андрей вернулся в Полоцк значительно раньше: Скиргайло вернулся в Литву из Польши весной 1386 г. (*Nikodem*. 1998. S. 107–108).

По-видимому, во время отсутствия князя Андрея его предприимчивая супруга пустилась в торговые операции (или не прекратила их). Ее положение в это время было далеко не блестящим. Грамота написана на крохотном клочке бумаги. Пожалуй, это наименьшая по размерам из всех полоцких грамот. К ней привешены уже не свинцовые печати, как к грамотам епископов Якова и Григория, князя Глеба-Наримонта, но восковые, притом без ковчежцев и без специальной основы, придававшей им прочность — как, например,

на договоре Ягайла и Витовта о десятилетнем перемирии с Орденом 1379 г. (GStAPK, XX. HA, Perg.-Urk., Schiebl. 52. № 3), и не на шелковых нитях, но на простых льняных.

Имя и происхождение жены Андрея Ольгердовича неизвестны.

Семён и Иван Андреевичи — сыновья князя Андрея Ольгердовича (*Tegowski*. 1999. S. 67–72). Старшим сыном Андрея Ольгердовича был Михаил: в Полоцкой ревизии 1552 г. упоминается его пожалование монастырю Св. Петра в Полоцке (ПР 1552 г. С. 173). Михаил был убит на московской службе во время похода на Рязань в мае — июне 1385 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 150). Семён погиб при взятии Полоцка Скиргайлом в начале 1387 г. (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 347; *Кузьмин*. 2007б. С. 63–64). Иван Андреевич в 1389–1399 гг. находился «на кормлении» во Пскове, умер между 1437 и 1439 гг. (*Tegowski*. 1999. S. 73).

Фёдор Сорочков — очевидно, родственник (отец?) полоцкого купца Андрона (Ондрона) Сорочковича, упоминаемого в начале XV в. (№ 40).

А. Л. Х., А. В. К., С. В. П.

16

1387 г. апреля 28. Скойстери, «ловы». — Жалованная грамота кор. польск. и вел. кн. лит. Владислава [Ягайла] кн. лит. Скиргайлу на Троцкое, Менское и Полоцкое княжения

На основании договоренностей с ливонским отделением Тевтонского ордена 1385 г. (см. № 13, 14) князь Андрей Ольгердович и ливонский магистр в начале 1386 г. предприняли поход на Литву, начавшийся 2 февраля — как раз в то время, когда Ягайло, литовские князья и бояре находились в Кракове. Союзники направились в район Вильни и Ошмян, а Святослав Смоленский по согласованию с ними — к Орше, Витебску и Мстиславлю, причем ему удалось овладеть Лукомлем (ПСРЛ. Т. 35. С. 64, 88, 99, 113; Т. 15. Вып. 1. С. 152–153; Т. 18. С. 74; Т. 25. С. 213–214; SRP. Bd. 3. P. 145; CEV. Appendix № 6. P. 1004–1005; *Kolankowski*. 1930. S. 40–41).

Однако успехи были кратковременными. Витовт, Скиргайло, Семён-Лугвень и Казимир-Коригаило, бывший наместник мстиславский, спешно направились из Кракова в Литву, чтобы выступить на стороне Ягайла (AUPL. № 6, 10–14). Скиргайло с большим отрядом литовских войск захватил Лукомль и в битве на р. Вехре 29 апреля 1386 г. разбил смолян. Князь Святослав погиб, а его дети Юрий и Глеб оказались в плену (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 343–344; *Лицкевич*. 2007). Впрочем, Юрий вскоре был посажен в не занятый литовскими войсками Смоленск и согласно своей грамоте от 16 сентября 1386 г. обязался «со Ондреем полоцкимъ и с полочаны миру не держати... а ни сылати ся» (СГ. С. 72).

После Смоленска наступила очередь Полоцка. Попытка Скиргайла взять Полоцк не удалась. Лишь в результате осады, в которой участвовали и немецкие войска, город пал. Князь Андрей был отправлен в Хенцинский замок, где провел семь лет до марта 1394 г. (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 347; *Rachunki dwogu*. 1896. S. 183; *Варонін*. 2009г. С. 2–6). 28 апреля 1387 г. формально можно датировать окончание его княжения в Полоцке. Туда был посажен Скиргайло Ольгердович (в православном крещении Иван) — младший брат польского короля, вскоре обещавший, что в случае его бездетной смерти Полоцкое княжество отойдет к Польскому королевству (№ 17). Это обещание было тем более важным, что Скиргайло, скорее всего, не был женат и не имел детей. Одновременно Скиргайло получил Троцкое и Менское княжества, что обеспечивало ему особое место в реализации планов Ягайла по удержанию в подчинении земель Великого княжества Литовского (подробнее см.: *Nikodem*. 1998).

В жалованной польского короля, литовского и «русского» «господаря» говорится, что Скиргайлу передано его «место». Ссылка Владислава на волю Ольгерда противоречит заявлению князя Андрея в грамотах № 13 и 14. Очевидно, это объясняется отсутствием завещания Ольгерда, оформленного в письменном виде.

Подробное описание Трокского и Менского княжеств в жалованной грамоте Ягайла делает ее чрезвычайно ценным и важным источником по истории Великого княжества Литовского — как в период после смерти Ольгерда, так и вообще для эпохи до унии с Польшей и крещения Литвы (подробнее см.: *Jakubowski. 1907*). Полоцкое княжество в грамоте не описано, по весьма вероятному предположению Я. Якубовского, потому, что его границы были хорошо известны, а само княжество представляло собой политическое единство (*Jakubowski. 1907. S. 44*). Эту мысль поддержал Ш. Родевальд, подчеркнувший, что город в правовом отношении в это время не отделялся от «земли» (*Rohdewald. 2005. S. 167*). Впрочем, последнюю мысль, распространенную в историографии, не подтверждают недавние исследования П. В. Лукина (*Лукин. 2014. С. 299–311*).

Анализ языка грамоты (*Stang. 1935. S. 165*) не позволил Хр. Стангу отнести ее к какому-либо определенному диалекту, тогда как В. Курашкевич отнес ее к «северобелорусскому наречию» (*Kuraszkiewicz. 1937. S. 287*).

«Пань Хрещонь Козегловский» (ум. 1417) — Кристин из Козеглов (в Северском княжестве, к югу от Ченстоховы), придворный Владислава II Ягайла, участник похода на Литву 1390 г., гарант унии 1401 г., командующий хоругвью в Грюнвальдской битве 1410 г., участник Городельской унии 1413 г. (*Błaszczuk. 2007. T. 2. S. 33*).

«Доктор Святослав» (ум. 1388) — Святослав из Шаньца (в Вислицкой земле, в Сандомирском воеводстве), доктор канонического права, заместитель коронного канцлера (*Błaszczuk. 2007. T. 2. S. 35*).

Интересна архивная судьба грамоты. Очевидно, после смерти Скиргайла, не оставившего потомства, она попала в Коронный архив, где хранилась вплоть до конца XVIII в. (в это время с нее были сняты копии для польского историка А. Нарушевича). После разделов Речи Посполитой ее следы теряются. В отличие от других грамот ВКЛ, хранившихся в Коронном архиве, она не упоминается в описи 1808 г. В начале XIX в. ею интересовался Н. П. Румянцев, но его усилия остались бесплодными. Каким-то образом грамота оказалась на русском Севере, и во время поездки туда в 1828 г. ее приобрел в Шенкурске известный литератор и коллекционер П. П. Свиньин. Грамота вошла в состав его «Русского Музеума» (Свиньин. 1904. С. 220), а после его смерти попала в Библиотеку Академии наук, где и хранится по сей день.

А. Л. Х., С. В. П.

17

*1387 г. [июня 18]. Лида. — Ленная грамота
кн. лит., трокск. и пол. Скиргайла кор. польск.
Владиславу [Ягайлу], кор-ве Ядвиге
и Короне Польского королевства*

Ленная грамота Скиргайла, литовского князя и «господаря трокского и полоцкого», польскому королю Владиславу II Ягайлу и королеве Ядвиге была выдана спустя полтора месяца после пожалования Скиргайлу Полоцка и накануне отъезда Ягайла в Польшу: 1 июля 1387 г. король уже находился в Люблине (*Gąsiorowski. 1972. S. 30*).

Грамота составлена в иных традициях, нежели ленная грамота князя Андрея магистру. В грамоте Скиргайла отсутствует салютация, имеющаяся в № 13, а invocatio, в грамоте

Андрея имеющая самостоятельное значение, в грамоте № 17 слита с интитуляцией. Аренга, «излагающая высшие мотивы и цели составления документа» (Капитанов. 1969. С. 145), широко развернута в «гимн верности», и напротив, промульгация сокращена до предела. В соответствии с конкретными обстоятельствами в наррации совершенно по-разному излагаются события, предшествовавшие выдаче грамоты и побудившие к этому действию: в грамоте князя Андрея — это «христианские чувства и уважение исключительной дружбы» по отношению к магистру, в грамоте Скиргайла — это соблюдение тех обязательств, которые взял на себя польский король и королева по отношению к литовскому князю, и чувство благодарности за пожалование ему Полоцкого княжества. Конечный протокол и в том, и в другом случае содержит корробрацию, то есть удостоверение о скреплении документа печатью, и дату, хотя и выражены они в совершенно разном стиле.

Сравнение ленных грамот князя Андрея и Скиргайла показывает, что и в том, и в другом случае составители не имели перед собой полоцких образцов, а пользовались иными, соответственно ливонскими или польскими.

В отличие от князя Андрея, Скиргайло даже не сослался на волю представителей населения, судьбы которого он решал. Возможно, у князя Скиргайла в момент написания грамоты не было поддержки со стороны боярской верхушки города. Тот же вывод можно сделать и из анализа диспозитивной части его ленной грамоты. Она вносит новые условия в права владения Скиргайлом Полоцком и Полоцкой землей. Скиргайло соглашается на включение этого княжества в Польское королевство в том случае, если он умрет без мужского потомства. Таким образом, передача ему Полоцкого княжества согласно ленной грамоте рассматривалась как наследственная. Одновременно с этим Скиргайло оговаривает расширение своих прав в Полоцкой земле. Ленная грамота закрепляет за ним право жаловать земли Церкви, причем эти пожалования не должны были отменяться самим королем. В этом можно усмотреть попытку расширения своей социальной базы в Полоцке. И по крайней мере одно такое пожалование Скиргайла на территории Полоцкой земли известно — это передача Софийскому собору нескольких сёл, из-за которых спустя сто лет развернулась тяжба между полоцким архиепископом Лукой, с одной стороны, и полоцкими магдебургскими властями, мещанами и боярами, — с другой (№ 353).

Вопреки пожалованной грамоте Владислава (№ 16) Скиргайло признает, что Полоцкое княжество он получил лишь из рук Ягайла, и не ссылается при этом на волю отца. Положение Скиргайла, судя по его ленной грамоте, коренным образом отличалось от положения князя Андрея. Последний называл себя «королем Полоцка», а Полоцкую землю — «королевством Полоцким»; Скиргайло — лишь «господарь» Полоцка, одновременно и «князь литовский» (последнее — по праву рождения); Скиргайло уже не пользуется титулом «полоцкого князя», хотя по отношению к Полоцкой земле он употребляет термин «княжество».

Сравнение титулов Владислава и Скиргайла ясно обнаруживает разницу их положения: первый — сюзерен, «господарь», «король»; второй же — просто «господарь трокский и полоцкий». Поскольку титул *dominus* в соответствии со словоупотреблением «русских» актов XIV в. переводится как «господарь», то другой титул, *princeps*, переведен словом «князь» в значении «владельческий правитель», «государь» (последнее слово не свойственно «русским» документам, подробнее см.: Золтан. 2002). Термин «господин» в грамотах ВКЛ как титул главы светской власти не употреблялся. Так называли старших членов семьи [Пещак. № 72. С. 134 (21 ноября 1398 г.)] или церковных иерархов [(Там же. № 6. С. 21. (8 декабря 1322 г.); о проблеме подлинности и датировке см.: Флоря. 2000; Флоря. 2005; Турилов. 2005].

А. Л. Х., С. В. П.

18

1387 г. [июля 9]. Курчмы. — Договор кн. лит. Скиргайла
с лив. магистром Робин фон Эльтцем
о перемирии сроком до 1388 г. декабря 25

После заключения польско-литовского династического союза, за которым в историографии закрепилось не совсем точное название Кревской унии 1385 г., война Ордена с Литвой продолжалась: в 1386–1389 гг. Орден организовал 11 разорительных походов («рейз») на владения литовских князей, главным образом на Жомойть. В начале 1387 г. польский король Владислав II Ягайло попытался достичь соглашения с великим магистром Конрадом Цёлльнером фон Ротенштейном. Перемирие между Литвой и ливонским отделением Тевтонского ордена 9 июля 1387 г. имело переломное значение для литовско-орденских отношений, поскольку было первым официально зафиксированным успехом на пути прекращения войн, хотя и не охватывало Жомойть. Достичь соглашения помогли общие экономические интересы ВКЛ и Ливонии — торговля по Двине (*Błaszczuk*. 2007. Т. 2. С. 114–117; там же указана литература предмета). Из документов этого перемирия сохранилась лишь грамота ливонского магистра Робина фон Эльтца. Несомненно, существовала, но не дошла до нас грамота второго участника переговоров — литовского князя Скиргайла.

Обращает на себя внимание титул «верховного князя Литвы», употребленный в грамоте № 18 по отношению к Скиргайлу. В историографии его интерпретировали по-разному: и как проявление исключительной позиции Скиргайла в Литве, и как специальный торжественный титул для сношений с внешними контрагентами (ПГ. Вып. 3. С. 163–164), и как ливонскую интерпретацию порядков, воцарившихся в Литве после заключения унии с Польшей (*Nikodem*. 1998. С. 111–112). Последняя точка зрения представляется наиболее близкой к истине. Прав Я. Никодем и в том, что в первые годы польско-литовской унии Скиргайло занимал исключительное положение в Литве как доверенное лицо Ягайла.

Курчмы [лат. и нем. *Curczini(i)*, *Kurzum*, старобелорус. *Курчмы*, польск. *Kurczymy*] — местность близ оз. Курцумс на литовско-ливонском пограничье, к юго-западу от Дюнабурга (ныне в Медумской волости Латвии), где в XIV–XVI вв. неоднократно проходили литовско-ливонские переговоры (*Wojtkowiak*. 2010. С. 216, 235–242, 249–253; *Čelkis, Antanavičius*. 2011). Согласно тогдашней дипломатической практике подобные встречи проходили на нейтральной, «ничейной» территории. Таким местом мог быть остров на реке (например, на Немане, Дубиссе) или незаросший и невозделанный участок земли в пуще, который также называли «островом» (см., например: *Груша*. 2010а). Слово «campus» в данном сочетании несколько условно переводим как «место»: близким словом «местыце» Курчмы названы в документах литовско-ливонской делимитации 1542 г. (МВКЛ. Кн. 560. С. 40).

Разрешение полоцким и виленским купцам торговать лишь в Риге отражает традиционную политику купечества этого города, направленную на недопущение «русских» купцов дальше Риги и концентрацию в своих руках посреднической торговли.

Робин фон Эльтц (Robin von Eltz) — брат Тевтонского ордена в Ливонии, происходил из рода министерялов Трирского архиепископа; кумпан ливонского магистра (1367), фогт Каркуса (1374), ландмаршал (1375–1385), ливонский магистр (1385–1388), ум. после 10 августа 1388 г. (*Ritterbrüder*. 1993. С. 206–208).

Иоганн фон Оле (Johann von Ohle) — брат Тевтонского ордена в Ливонии (вступил туда не ранее 1381 г.), происходил из Вестфалии, из рода министерялов графов Арнсбергских; ландмаршал (1387–1393), комтур Дюнамюнде (1402–1403) (*Ritterbrüder*. 1993. С. 488–489).

Альберт фон Бренкен (Albert von Brenken) — брат Тевтонского ордена в Ливонии (вступил туда не ранее 1343 г.), происходил из Вестфалии, рода министерялов епископов Падер-

борна; фогт Вендена (1371–1375), комтур Пернау (1382–1383), комтур Риги (1387) (Ritterbrüder. 1993. S. 141–142).

Герхард фон Баэк (Gerhard von Baeck) — брат Тевтонского ордена в Ливонии, происходил из рода министриалов графов Гельдерна; фогт Вендена (1385–1386) (Ritterbrüder. 1993. S. 94).

Конрад фон Фитингхофф (Konrad von Vietinghoff) — брат Тевтонского ордена в Ливонии, происходил из Вестфалии; комтур Ашерадена (1387–1393), комтур Феллина (1396–1401), ливонский магистр (1401–1413), ум. после 14 февраля 1413 г. (Ritterbrüder. 1993. S. 670–671).

Бернгард Хёфельманн (Bernhard Hövelmann) — брат Тевтонского ордена в Ливонии, комтур Дюнабурга (1387–1390), ландмаршал (1395–1404) (Ritterbrüder. 1993. S. 334–335).

А. Л. Х., В. А. В., С. В. П.

19

*[1393 г. апреля 28 — 1406 г. июля 2]. — Послание
вел. кн. лит. Витовта риж. купцам, находящимся
в Полоцке, с сообщением о соблюдении их прав*

В качестве нижней хронологической границы этого послания, как и всех остальных недатированных полоцких документов Витовта, условно принят следующий день после последнего упоминания Скиргайла в качестве полоцкого князя (см. Прил. № 3 и комментарий к нему), верхней же границей служит дата заключением полоцко-рижского торгового договора в Копыси (№ 54). Возможно, нижнюю хронологическую границу следует отодвинуть примерно к 1395 г., к которому восходят наиболее ранние датированные и достоверные примеры использования Витовтом титула великого князя литовского (*Adamus*. 1930. S. 327 ff.; *Skurvydaitė*. 2000. P. 15, 17–18; *Дзярновіч*. 2013б. С. 65–67). Еще один аргумент в пользу ранней датировки послания — палеографический: оно написано писцом, руке которого принадлежат еще три послания Витовта совету г. Риги, датируемые 1397–1399 гг. («вторая рука» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. P. 318–321, 494, № 12). Наконец, эту датировку в целом подтверждают данные сфрагистики: экземпляры конной печати Витовта, оттиснутой на послании (4-й тип по классификации В. Семковича), известны за 1397–1411 гг. Следующая конная печать Витовта (7-го типа) начинает постепенно вытеснять ее в 1407 г., а с 1413 г. безраздельно господствует (*Semkowicz*. 1931. S. 11, 22).

В 1-м издании ПГ послание было предположительно датировано 1398 или 1406 г. (ПГ. Вып. 3. С. 177–178). Поскольку Витовт подтверждает рижанам неназванное право, «которое вы исстари имели и которое изложено в ваших грамотах», послание было написано до 2 июля 1406 г. Иначе в нём имелась бы ссылка на Копысский торговый договор, подробно регламентировавший полоцко-рижские взаимоотношения, тем более что в его заключении участвовал Витовт (см. № 54, 55).

Рижский посол Генрих Гримпе по другим источникам неизвестен. Его однофамилец или родственник Фридрих Гримпе в конце XIV — начале XV в. был каноником в Риге; вероятно, он был тем рижским священником, который давал показания в Любеке в мае 1424 г. (*Arbusow*. 1901/1902; *LECUB*. Bd. 7. № 126. S. 96).

Упоминание в данном послании «русской» грамоты, отправленной полочанам, свидетельствует о высокой степени развития письменной коммуникации между политическим центром и периферией ВКЛ уже в конце XIV — начале XV в. (ср. о ней также № 29, 30). Как и в других источниках, здесь подчеркивается, что языком письменной коммуникации с Полоцком был «русский» [ср.: *HUB*. Bd. 5. № 345; *LVVA*. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 114].

А. Л. Х., С. В. П.

20

Упоминание

[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Грамота вел. кн. лит. Витовта пол. боярам о порядке сбора с них экстраординарных податей

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта (Tęgowski. 1999. S. 211). См. также комментарий к № 265.

21

Упоминание

[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта полочанину Тереху Радковичу на с. Петрово

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта. См. также комментарий к № 375.

№ 21 открывает серию грамот эпохи Витовта, хранившихся в частных архивах полоцких бояр и мещан и известных по упоминаниям в актах XVI в.

22

Упоминание

[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Подтвердительная жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта [пол. мещанину] Фёдору Суцову [на куплю у Тереха Непоротовича] сельца Скоморошовичи в с. Коровайно Полоцкого пов.

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта. См. также комментарий к № 378.

23

Упоминание

[После 1393 г. апреля 28]. — Духовная грамота [пол. мещанина] Фёдора Суцова

Настоящая грамота была выдана после № 22, поэтому для них условно принята одна и та же нижняя хронологическая граница. См. также комментарий к № 378.

24

Упоминание

[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта Селивестру на право проживания в г. Полоцке [и выполнение мещанских повинностей]

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта.

Настоящая грамота, хотя и известная лишь по упоминанию, весьма важна для характеристики Полоцкой земли в эпоху Витовта. Из нее выясняется, что уже в это время полоцкие

мещане несли военную службу наравне с боярами (очевидно, имеются в виду мещане вообще, а не только владевшие имениями и служившие с них боярскую службу). Впрочем, неизвестно, присутствовал ли этот термин в тексте несохранившейся грамоты. Именование горожан «местичами» фиксируется с конца XIII в., а на территории ВКЛ — с первой трети XV в. (*Золтан*. 1977; *Золтан*. 2014. С. 102–104; *Лукин*. 2010; см. также № 68). Лишь впоследствии, во второй половине XV в., на смену термину «местич» пришел новый — «мещанин».

Предъявители грамоты Витовта названы мещанами. Наиболее состоятельным из них, судя по упоминаниям в источниках, был Антушко Селиверстович, но и он в 1528 г. выставял лишь одного коня (МВКЛ. Кн. 523. С. 155 — запись в разделе «Мещан полоцких люди, выслуга и купла ихъ»), а в 1552 г. участвовал в ремонте одной городни Полоцкого замка (ПР 1552 г. С. 9).

Предписание жалованной грамоты Витовта об оставлении Селивестра «во впокои» в Полоцке перекликается с положением областного привилея 1511 г., восходящим к более раннему времени, о «добровольном» проживании там полочан, «покуль хто хочеть» (№ 476). Из этой грамоты видно, что власти ВКЛ могли переселять его жителей по своему усмотрению, хотя эта страна и не знала крупномасштабных акций наподобие «выводов» из новоприсоединенных регионов, характерных для Русского государства XV–XVI вв.

С. В. П.

25

Упоминание

*[1393 г. апреля 28 – 1430 г. октября 27]. —
Грамота вел. кн. лит. Витовта Михалку
на держание вол. Мородно Полоцкого пов.*

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта.

Миколай Миколаевич Радзивиловича (Радзивилл), рассматривавший дело, занимал должности виленского воеводы и канцлера с июня 1510 г. до своей смерти в январе 1522 г. (UWKL. Т. 1. S. 193. № 1103).

Один из предъявителей грамоты Витовта мещанин Яцко Ососков по переписи войска 1528 г. был обязан выходить на службу с одним конем (РИБ. Т. 33. Стб. 196; МВКЛ. Кн. 523. С. 155; LM. Кн. 523. Р. 140).

Местонахождение волости Мородно установить не удалось.

А. Л. Х.

26

Упоминание

*[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Продажная грамота
земянки Полоцкого пов. Машки Отрушковой
Трухону Болоту на с. Улино*

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта. Эти хронологические рамки в значительной степени условны, поскольку неясно, упоминался ли Витовт в самой купчей или же ее отнесение ко времени его княжения основано на устной традиции.

Трухон (Трифон) Болото принадлежал к роду, из которого в XVI в. вышло несколько священников: предъявитель купчей Михайло Болотович, Иван Болотович, назначенный в 1531 г. священником в православную церковь Св. Николая в Риге (LVVA. F. 673. Apr. 4.

К. 19. Л. 104, 105). Лист Сигизмунда Августа не указывает социальной принадлежности ни Михайла Фёдоровича, его современника, ни Трухона Болота, жившего во времена Витовта. Обычно лица, в XVI в. сообщавшие о своем владении землей на условиях «земской службы», не принадлежали к боярам. Однако в № 26 родственниками Болотовичей названы бояре Иван Онихимович и Занко Гридкович. Может быть, от Трухона Болота пошли две ветви — мещан Трухоновичей (ср. комментариев к № 130) и бояр Болотовичей (ср. комментариев к № 347)?

С. Улино по картографическим материалам неизвестно. Возможно, это искаженное название с. Уличе, границы которого описывались в 1583 г. (прежний шифр: ЦГАДА. Ф. 2188. Оп. 4. № 3311. Л. 15–16; в настоящее время материалы хранятся в РГАДА. Ф. 1603). Спор о с. Улине рассматривал полоцкий воевода Пётр Монтигирдович в 1458 или 1459 г. (см. № 142).

Судя по пересказу, продажная («купчая») содержала описание границ, вероятно, подобное тому, которое было включено в жалованную князя Андрея Корсакам (№ 11).

А. Л. Х., С. В. П.

27

Упоминание

[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Грамота вел. кн. лит. Витовта об освобождении села на Чернице от уплаты бобровицины

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта.

28

Упоминание

[1393 г. апреля 28 — 1430 г. октября 27]. — Жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта [не названному по имени] предку бояр Полоцкого пов. Оскерчицей и Теличичичей на землю на [р.] Ушача и [оз.] Солонец

О нижней хронологической границе см. комментарий к № 19, верхней служит дата смерти Витовта. Об упоминаемых лицах и географических объектах см. комментарий к № 121, 221.

29

[1393–1412 гг.] ноября 8. Новгородок. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги с сообщением об освобождении лив. купцов, задержанных в Полоцке

Нижней хронологической границей служит переход Полоцка под власть Витовта (см. комментарий к № 19). Верхнюю хронологическую границу определяет печать Витовта, которой скреплено послание. Известны экземпляры малой (конной) печати этого типа 1397–1411 гг. Печать следующего типа начинает использоваться с 1407 г. и полностью вытесняет предыдущую не позднее января 1413 г. (*Semkowicz*. 1931. S. 11, 22). Поэтому в качестве верхней хронологической границы выбран 1412 г.

Послание написано рукой писца, которому принадлежат еще четыре документа на немецком языке и латыни 1407–1409 гг. («четвертая рука» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. P. 327–334, 493, № 8). Поэтому и данное послание

можно предположительно отнести к концу первого десятилетия XV в. Однако данные об итинерарии Витовта и полоцко-ливонских отношениях не позволяют уточнить датировку.

С. В. П.

30

[1394–1406 гг.] января 13. Василишки. — Послание вел. кн. лит. Витовта лив. магистру с сообщением о порядке торговли между рижанами и полочанами в связи с установлением последними нового соляного веса

Послание написано в один день с № 31 и тем же писцом, работавшим в великокняжеской канцелярии в первые годы XV в. (см. комментарий к № 31). На датировку до 1406 г. указывает упоминание пудного ремня для взвешивания соли, который был заменен скалвами согласно Копысскому торговому договору (см. № 54, 55). Ранее принятая датировка посланий № 30 и 31 третьим десятилетием XV в. невозможно еще и потому, что в это время резко обострились отношения г. Риги с ливонским отделением Ордена (*Brück. 2003. S. 65–69*). Между тем Витовт в послании властям г. Риги (№ 31) ограничился краткой отсылкой к посланию ливонскому магистру (№ 30), список с которого тогда же попал в городской архив, что говорит о мирных и даже дружественных рижско-орденских взаимоотношениях. Оба послания написаны по результатам поездки Витовта в Полоцк, состоявшейся в декабре в конце XIV или, что более вероятно, начале XV в. (LVVA. F. 673. Arg. 4. K. 18. L. 78, 114), однако сведения об итинерарии Витовта пока не позволяют точно установить год этого визита.

Василишки — великокняжеский двор, ныне деревня, центр сельсовета Щучинского р-на Гродненской обл. Беларуси.

С. В. П.

31

[1394–1406 гг.] января 13. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги с сообщением об ответе лив. магистру относительно порядка торговли между рижанами и полочанами в связи с установлением последними нового соляного веса

Послание написано писцом, руке которого принадлежат более десятка документов Витовта 1400–1406 гг. («третья рука» по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė. 2007. P. 321–327, 509, № 123*). О датировке данного послания см. также комментарий к № 30.

С. В. П.

32

[1394–1396 гг. Полоцк]. — Послание пол. нам. Монтигирда и полочан совету г. Риги с предложением сохранять мир, заключенный кн. Семёном [Лугвенем]

К. Э. Напьерский датировал эту грамоту широко — концом XIV в. Ф. Г. фон Бунге предложил более узкую датировку — 1396 г., основанную на факте расторжения торгового договора уже в начале 1397 г. (LECUB. Bd. 6. S. 82. Reg. 1717ac) и принятую впоследствии в «Ганзейских грамотах» и 1-м издании ПГ. Широкие хронологические рамки написания грамоты — между 28 апреля 1393 г. (см. комментарий к № 19) и летом 1396 г., когда начались

разногласия полочан с ливонцами по торговым вопросам (LECUB. Bd. 6. № 2935; HUB. Bd. 5. № 250. S. 133), в результате чего полоцкий наместник Монтигирд и полочане по приказу Витовта в конечном счете расторгли торговый договор с Ригой (LECUB. Bd. 6. № 2932; HUB. Bd. 5. № 247. S. 131; см. также ниже № 34, 35). Фактически же грамота могла быть написана, вероятно, не ранее 1394 г., поскольку после перехода Полоцка под власть Витовта тамошним наместником какое-то время должен был пробывать князь Семён (Лугвень), заключивший упомянутый в грамоте торговый договор с Ригой. Очевидно, грамота была написана вскоре после вступления Монтигирда в должность.

Структура подтвердительной грамоты Монтигирда имеет много общего с древнейшими смоленскими подтвердительными грамотами. В ней содержатся три статьи: предложения сохранять мир, давать купцам возможность приезжать для торговли и обеспечивать их личную неприкосновенность. В смоленских грамотах, как правило, упор делается на вторую статью, она присутствует в подтверждениях Фёдора Ростиславича и Александра Глебовича конца XIII в. и рубежа XIII–XIV вв. Вторая и третья статьи включены в подтвердительную Ивана Александровича, правда, в иной формулировке, нежели в грамоте Монтигирда [СГ. С. 66 (1284 г.); С. 67 (1300 г.); С. 70 (первая половина XIV в.)]. Грамота Ивана Александровича говорит о праве «немцемъ» или «моимъ» (то есть смольнянам) «ездити» и обещании «блюсти» приезжающих иноземцев.

Грамота Монтигирда обнаруживает и некоторые общие черты с древнейшими новгородскими грамотами: в обозначении адресанта, как и в новгородских грамотах, настойчиво повторяется предлог «отъ», поставленный не только перед существительными, но и перед прилагательным. Аналогичное явление встречается в договорных грамотах Новгорода с князьями Михаилом Александровичем Тверским и Дмитрием Ивановичем Московским — будущим Донским [ГВНП. № 15–17. С. 29–32; *Янин*. 1991. С. 165–171 (1371–1376 гг.); ср.: ГВНП. № 42–45]. Трудно сказать, является ли мена «цъ» и «чъ» в прилагательном «полочского» новгородизмом или нет, так как подобное написание его имеется и в грамотах № 2, 44, 68. Сомнительно отнесение к новгородизмам и наречия «чисто» в статье о беспрепятственном проезде купцов («А на томъ миру ваши пусть к намъ ѳдутъ чисто»), так как это же наречие присутствует и в подтверждении смоленского князя Александра Глебовича: «...а поуть имъ чистъ» (или в другом случае «чистъ») — СГ. С. 67); ср. в новгородско-тверском договоре 1376 г.: «...тотъ товаръ... подавати... все чисто по челованию» (ГВНП. № 18. С. 34; *Янин*. 1991. С. 165–171).

Сопоставление грамоты Монтигирда с подтвердительными смоленскими и договорными новгородско-тверскими и новгородско-московскими показывает, что грамота Монтигирда составлена в соответствии с древнейшими традициями Северо-Западной, а возможно, и Северо-Восточной Руси. Очевидно, появление в Полоцке наместников-литовцев не привело к смене канцелярского персонала. Возможно также, что вместе с князем Семёном Лугвением в Полоцк могли приехать новгородцы, способствовавшие сохранению общерусских традиций делопроизводства. В дальнейшем третья статья подтверждения Монтигирда была повторена полоцко-рижским договором 1407 г.: «А вамъ блюсти полочанина какъ бы своего немъчина» (№ 32); «А полочаномъ блюсти рижанина оу Полоцку, какъ себе» (№ 55.1). Одновременно подтверждение Монтигирда обнаруживает следы воздействия иной традиции, восходящей, вероятно, к ливонской. Глагол «хочемъ» как выражение намерений верховной власти знаком только Смоленску (см. грамоту Александра Глебовича) и Ливонии (№ 9), при этом в ливонско-полоцкой договорной грамоте положение о «воле» вынесено в начальный протокол (особенно выразителен немецкий текст, см. № 9). Статья смоленского подтверждения: «а язъ тоѳ же любви хочу с вами» (СГ. С. 67), хотя и более ранняя, носит вторичный характер. Она включена в диспозицию и касается лишь части подтверждения, как и в грамоте Монтигирда. В ранних договорах Смоленска с Ригой в Готском берегу «волю» или «хоте-

ние» изъявляли только купцы, а не представители власти. Ни в одной статье подтверждения Монтигирда нет следов воздействия литовской или польской канцелярской традиции. Именно в этом документе впервые появляется термин «мужи».

Вероятно, подтвердительная Монтигирда предшествовала переговорам его с рижскими купцами в Полоцке.

Монтигирд — знатный литовский боярин, владения которого находились близ Солечников. Умер до 1410 г. (*Petrauskas*. 2003. P. 259–260). Отец Петра Монтигирдовича — полоцко-го наместника в 1459 г. (см. о нём комментарий к № 141).

Семён Лугвень — сын Ольгерда от его второй жены Ульяны Александровны Тверской. Участвовал в заключении Трокского перемирия 1379 г. (в это время княжил в Полоцке) и Дубисского договора 1382 г. с Тевтонским орденом, Кревского соглашения с Польшей 1385 г. В 1389–1392 гг. находился «на кормлении» на новгородских пригородах, после чего вернулся в ВКЛ и получил в удел Мстиславское княжество. Участвовал в войнах Гедиминовичей со смоленскими князьями и их союзниками в 1386, 1402 и 1404 гг., вновь был «на пригородах» в и 1407–1412 гг., участвовал в войне ВКЛ и Польши с Тевтонским орденом 1409–1411 гг., в заключении союзного договора с ним в 1431 г. В том же году умер (*Tęgowski*. 1999. S. 118–121; *Янин*. 1991. С. 172; *Янин*. 1998. С. 92–95; *Rimša* 2002a. P. 91–92; *Varonin*. 2010. С. 9–11). Отец Юрия Лугвеневи́ча (см. о нём комментарий к № 100).

Из послания Витовта от 23 января 1397 г. (№ 36) выясняется, что полоцко-рижский торговый договор был заключен князем Семёном сроком на пять лет. При этом Витовт называет Лугвеня своим «службой», значит, он заключил этот договор не в конце 70-х гг., когда княжил в Полоцке, а уже будучи полоцким наместником Витовта, в 90-е гг. XIV в., точнее, не ранее 28 апреля 1393 г. (см. комментарий к № 19). Стало быть, его подтверждение Монтигирдом последовало еще до истечения срока действия мира князя Семёна, что обычно для дипломатической практики Руси.

А. Л. Х., С. В. П.

33

Фальсификат

*1396 г. Полоцк. — Вкладная грамота кн. пол. Ярослава
Изяславича Борисоглебскому м-рю на берег на р. Бельчице
для строительства мельницы*

Грамота Ярослава Изяславича, широко известная в литературе, имела примечательную судьбу. Она хранилась в полоцком Борисоглебском монастыре. По просьбе Е. Ф. Канкрина, генерал-интенданта 1-й армии, действовавшего по поручению Н. П. Румянцева, смотритель полоцкого провиантского магазина Репин в конце 1818 г. снял с нее копию, которая вскоре после этого была доставлена Н. П. Румянцеву (копия рапорта Репина Е. Ф. Канкрину от 13 декабря 1818 г.: РГБ. Ф. 255. Ед. хр. 8. № 2. Л. 28–28 об.; письмо Е. Ф. Канкрина Н. П. Румянцеву от 31 декабря 1818 г.: Там же. Л. 5–6 об.). В 1816 г. второй список грамоты принадлежал К. Ф. Калайдовичу, который получил ее то ли от иезуита Мореловского, то ли от проф. Залесского, то ли от борисоглебского архимандрита Исаяи Шулякевича. 31 декабря 1816 г. К. Ф. Калайдович писал: «Господин профессор Залесской сообщил мне на сих днях довольно старинную пергаменную грамоту с привесью восковой вовсе неизвестной печати. Сию грамоту доставил нам униатского Борисоглебского монастыря архимандрит, который монастырь находится вблизи Полоцка». Приблизительно те же сведения сообщил он на списке, изготовленном им для И. И. Григоровича (БГАМЛИ. Ф. 796. Оп. 1. Д. 8752. Л. 30. См. подробнее: *Улащик*. 1973. С. 27). Благодаря этим копиям грамота стала известна широкому кру-

гу ученых уже в начале XIX в. «Подлинник» же грамоты остался в Борисоглебском монастыре: в 60-е годы XIX в. ее не только напечатал не критичный К. А. Говорский, — причем по подлиннику, судя по расхождениям со списками Румянцевского собрания (Вестник Юго-Западной и Западной России. 1862. Сентябрь. Год 1. Т. 1. С. 122–123), но и видел А. В. Рачинский, неутомимый искатель «русских древностей Северо-Западного края», нашедший грамоту «похожей на подделку» (РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 1034. Л. 17; за указание на этот источник составители благодарят А. С. Кибиня). В дальнейшем грамота пропала из поля зрения ученых, и в настоящее время местонахождение ее «подлинника» неизвестно.

Мнения историков по поводу этой грамоты не разделились: и Евг. Болховитинов, и А. Х. Востоков, и П. И. Кеппен, и, наконец, И. И. Григорович усомнились в ее подлинности (Переписка митрополита киевского Евгения. Вып. 3. С. 7; *Востоков*. 1842. С. 116–117; Кеппен 1822. С. 72). И. И. Григорович исключил эту грамоту как «явно подложную» из 2-го тома подготавливавшегося им «Белорусского архива древних грамот» (БГАМЛИ. Ф. 796. Оп. 1. Д. 8763. Л. 127. См. подробнее: *Улащик*. 1973. С. 27–28). Основанием для этого была датировка грамоты (не совпадали даты по индикту и от Сотворения мира: 11-му индикту соответствовал 6911 год, а 6904-му году — 4-й индикт) и упоминание никому не известного в истории Полоцка князя: попытки отождествить его с кем-либо из правивших в Полоцке князей не увенчались успехом.

К соображениям, выдвинутым в начале XIX в., можно добавить еще некоторые. Весь формуляр грамоты являет резкий контраст с современными как полоцкими, так и новгородскими, смоленскими и грамотами Северо-Восточной Руси. Некоторые выражения грамоты намекают, пожалуй, даже на время, когда она была написана. Инвокация в форме «Во имя Божье стансе» получила распространение в документах, происходивших с территории Великого княжества Литовского, в начале XVI в. Это два жалованных листа Сигизмунда Старого гетману князю Константину Острожскому [АЗР. Т. 2. № 29. С. 30 (27 ноября 1507 г.); № 115. С. 143 (17 августа 1522 г.)], подтвердительные мещанам г. Высокого и Берестья на магдебургское право [Там же. № 59. С. 71 (26 июня 1510 г.); № 73. С. 93 (20 сентября 1511 г.)]. Кажется бы, этому утверждению противоречат два факта: употребление этой формулы инвокации в жалованной Витовта литовским евреям 1388 г. и ленной грамоте молдавского воеводы Романа королю Владиславу Ягайлу 1393 г. (*Пещак*. № 45, 62. С. 85–87, 120–121). Что касается первой из них, то, как бы ни оценивать ее аутентичность, она сохранилась лишь в позднейших списках, и какие-то элементы формуляра могли быть «исправлены» при переписывании, как, например, титул великого князя, употребление которого было невозможно в 1388 г. (*Грушевский*. 1907. Т. 4. С. 172. Прим. 1; *Halecki*. 1935. S. 5. Przym. 12; *Kosman*. 1971. S. 152; *Лазутка, Гудаевичюс*. 1993). Как установили С. Лазутка и Э. Гудаевичюс, грамота Витовта евреям была написана на латыни и лишь впоследствии переведена на «русский» язык. В древнейшем (около 1470 г.) и наиболее исправном латинском списке в Коронной метрике Витовт титулуется «Божьей милостью князь Литвы и наследник городенский, берестейский, дорогичинский, луцкий, владимирский и других земель», а открывается она обычной для латинских документов инвокацией «In nomine Domini amen» (*Лазутка, Гудаевичюс*. 1993. С. 16–22, 32–36, 56). На «русский» же язык эта грамота была переведена не позже 1507 г., когда ее подтвердил Сигизмунд Старый. Вторая передает традиции как молдавской, так и польской дипломатической практики. На территории Великого княжества Литовского инвокация типа «Во имя Божье, стансе» получила распространение значительно позднее XIV в.

Некоторые особенности формуляра грамоты Ярослава имеют общность с формуляром древнейших русских грамот и потому могут ввести в заблуждение. Так, интитуляция грамоты, принадлежащая по классификации С. М. Каштанова к типу II группы А (подтип I, вид I), была свойственна и смоленским, и новгородским, и литовским грамотам XIV в. (*Каштанов*. 1976.

С. 73–75). Есть сходство с литовскими грамотами и в конечном протоколе. В нём очень подробно обозначено место выдачи жалованной: «во граде нашом Полоцкѣ». В грамотах Витовта, современника мифического Ярослава (и 1396, и 1403 гг. приходятся на время, когда Полоцк был подчинен верховной власти литовского князя Витовта), подобный способ обозначения места выдачи документа считается признаком литовской канцелярии (*Kosman*. 1971. S. 164).

Наряду с теми элементами формуляра, которые имеют нечто общее с «современными» грамоте Ярослава документами XIV в., в ней присутствуют детали, резко отличные от формул XIV в. Имеет ярко выраженные особенности санкция (запрещение нарушать жалованную). Обычной для фидеистичных санкций XIV в. была формула: в случае нарушения «рассудится со мною пред Богом». В жалованной Ярослава не встречающееся в грамотах XIV в. выражение: «бѣдет часть его со Арием и со Юдою», указывающее на ситуацию, полную конфессиональных споров (ср. санкцию во вкладной записи Аврама Езофовича Ребичковича 10 апреля 1518 г. в Евангелии виленского Никольского монастыря: *Гранстрем*. 1953. С. 37). В дате также имеются отличия от датировок XIV в.: дополнительно указано: «от созданного мира». Двойное обозначение времени, от сотворения мира и по индиктам, характерно для великокняжеских актов, начиная с первого десятилетия XVI в. До этого русские грамоты датировались от Сотворения мира, «русские» грамоты литовской великокняжеской канцелярии — от Рождества Христова (*Kosman*. 1971. S. 164).

Многочисленные полонизмы грамоты («кѣ потребе, выживеню и пожиткѣ их», «на... сожыждение», оборот «берег вол(ь)ныи» в значении «свободный», «пустой») характерны для начала XVI в.

Возможно, «грамота Ярослава Изяславича» принадлежит к серии подделок первого десятилетия XVI в., когда в Полоцке производился пересмотр прав на владение церковными землями, совпавший с аналогичным процессом проверки прав на землю в Польском королевстве (*Sułkowska-Kurasiowa*. 1967. S. 289–298). В условиях быстрой внутренней колонизации земель, перехода к фольварочному хозяйству, с одной стороны, активного насаждения католичества со стороны государственной власти, с другой, вопрос о владениях православной церкви, не пользовавшейся поддержкой государственной власти, стоял очень остро (ср.: *Wójcik*. 1959. S. 114–122; *Wójcik*. 1967. S. 88–105). Факт широкого использования подделок в Великом княжестве Литовском уже отмечался в историографии (*Введенський*. 1939. С. 77–113; см. также: *Bardach*. 1970. S. 363–370).

На начало XVI в. указывает и самый объект пожалования. Строительство водяных мельниц в Полоцке в более раннее время неизвестно. В Польше использование вод для строительства мельниц началось несколько раньше (*Podwińska*. 1970. S. 377).

Другим, хотя и менее вероятным временем составления грамоты мог быть конец XVIII в., когда архимандритом Полоцкого Борисоглебского монастыря (тогда уже базилианского) стал предприимчивый Исаяя Шулякевич, организовавший восстановительные работы в соборе Бориса и Глеба. Викарий и казначей монастыря Варлаам Пешка составил «Известие о Полоцкой Борисоглебской архимандрии», где, ссылаясь на грамоту «Ярослава Изяславича», утверждал, что монастырь «почти со времени основания своего возведен был на степень архимандрии» (*Сапунов*. 1898. № 5. С. 86), что позволило ему настоятельно занять подобающее место в системе российских церковных иерархов. В «Известии», записанном до 25 июня 1794 г., ссылка Варлаама Пешки на грамоту столь «древнюю» была тем более уместной, что право владения Борисоглебского монастыря Бельчицкой мельницей («млыном») уже с начала XVII в. не вызывало никакого сомнения [ИЮМ. Вып. 29. Витебск, 1901. № 31. С. 127–130 (1623 г.)]. Итак, к 1799 г. «грамота Ярослава Изяславича» несомненно существовала. Обязана ли она своим происхождением началу XVI в. или концу XVIII в., трудно сказать с уверенностью.

Возможно, на время создания данного фальсификата проливает свет полоцкая ревизия 1552 г. Раз грамота Ярослава Изяславича в ней не фигурирует, значит, к этому времени она еще не существовала (ПР 1552 г. С. 165–180).

А. В. К.

О том, что некая грамота Ярослава Изяславича существовала, неоспоримо свидетельствуют ее списки, в которых совпадает расположение выносных букв и ошибки («сожыжде-ние», «одноюта»). Но в качестве времени возникновения грамоты, с которой были сняты эти списки, следует предпочесть XVIII в. Во-первых, этому времени наиболее соответствует почерк, которым была переписана грамота, судя по ее прориси (хотя фальсификатор и стремился передать расположение выносных букв). Во-вторых, способ прикрепления печати абсолютно не соответствует практике предшествующих эпох — ни конца XIV в., ни начала XVI в. Так мог прикрепить печать лишь человек, никогда не видевший подлинных грамот этого времени с печатями. В начале XVI в. печать прикреплялась к загибу внизу документа, на который его текст никогда не заходил, во всяком случае не переходил через линию загиба. Для пропуска шнуров сквозь пергамен использовались прорези круглой или ромбовидной формы, но не горизонтальные, которые легче сделать.

С. В. П.

34

Упоминание

*[1396 г. — 1397 г. января 10. Полоцк]. —
Послание пол. нам. [Монтигирда] и полочан
комтуру Дюнабурга с сообщением о расторжении
договора о торговле между г. Полоцком и г. Ригой*

35

Упоминание

*[1396 г. — 1397 г. января 10. Полоцк]. —
Послание пол. нам. Монтигирда совету г. Риги
и лив. магистру [Веннемару фон Брюггеню] с жалобами
на нарушение комтуром Дюнабурга договора
о торговле между г. Полоцком и г. Ригой*

Несохранившееся послание № 34 было составлено, как и № 32, от имени полоцкого наместника и полочан. Как отмечено в № 34, комтур Дюнабурга получил его 10 января 1397 г., что и определяет дату его написания, — скорее всего, самый конец 1396 г. Конфликт начался летом 1396 г., когда комтур Дюнабурга конфисковал у полочан, возвращавшихся домой, купленных в Ливонии коней; в ответ они конфисковали в Полоцке 1,5 лашта соли, принадлежавшей комтуру. Несмотря на его четырехкратное посольство «к наместнику и всем полочанам», они отказались передать дело на рассмотрение ливонского магистра, и осенью комтур в качестве ответной меры не пропустил в Полоцк струги, нагруженные солью. Это и послужило основанием утверждать, что комтур своими действиями привел к расторжению торгового договора (HUB. Bd. 5. № 250. S. 133).

Срок выезда рижских купцов из Полоцка, указанный в нём, — 4 недели, — соответствует обычной норме расторжения договоров, принятой на Руси.

С. В. П.

36

[1397 г.] января 23. В четырех милях от Вильни, на охоте. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги о неправомерности кн. [Семёна] Лугвеня и пол. нам. Монтигирда заключать договор с г. Ригой от имени Литвы

Послание написано писцом, руке которого принадлежат еще несколько посланий Витовта Рижскому городскому совету последних лет XIV в. («вторая рука» по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. Р. 318–321, 493, № 6). Точную датировку 1397 г. предложил Ф. Г. фон Бунге на том основании, что только в этом году возможно было обозначение дня как «вторника после праздника св. Винцентия». В 1396 г. день этого святого (считая от следующего дня после его памяти) приходился на вторник, обозначение же даты восьмым днем после памяти какого-либо святого необычно. В 1398 г. день св. Винцентия совпадал с праздником обращения св. Павла, и день должен был бы отсчитываться от этого праздника (LECUB. Bd. 6. S. 82–83).

О Монтигирде и князе Семёне Лугвене см. комментарии к № 32.

Судя по посланиям Витовта № 36 и 37, предлогом к разрыву торгового договора Полоцка с Ригой послужило участие литовцев в каком-то очередном полоцко-рижском торговом конфликте. Рижане при этом пытались апеллировать к договору, заключенному Монтигирдом по «старому миру» Лугвеня и его предшественников, Витовт же указывал, что эти договоры касались только полочан, но не литовцев. Возникновение конфликта описано в послании комтура Дюнабурга властям Риги: летом 1396 г. он конфисковал у полочан коней, купленных в Ливонии, в ответ на что в Полоцке была задержана его соль (при этом полочане отказались отправлять посольство к ливонскому магистру, чтобы добиться выдачи коней), и той же осенью комтур конфисковал соль, принадлежавшую полочанам, что и послужило поводом для расторжения торгового договора (HUB. Bd. 5. № 250. S. 133).

А. Л. Х., С. В. П.

37

[1397 г.] января 30. Вильня. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги о неправомерности пол. нам. Монтигирда заключать торговый договор с г. Ригой и возвращении конфискованных товаров рижан

Ф. Г. фон Бунге датировал это послание Витовта 1397 г. (за ним последовал К. Кунце), а в 1-м издании ПГ была принята датировка 29 января 1398 г., поскольку в тексте упоминается оживленная переписка по поводу возвращения захваченных рижских товаров и «трудно думать, будто великий князь переменил свои намерения в течение нескольких дней» (ПГ. Вып. 3. С. 178). Однако если принять эту датировку и допустить, что рижане и Витовт ровно через год вернулись к застарелому торговому конфликту, то непонятно, как объяснить чрезвычайную текстуальную близость № 36 и 37. Поскольку недели явно было недостаточно, чтобы в Риге получили послание Витовта № 36, составили ответное послание и доставили его Витовту, очевидно, рижские власти направили Витовту еще одно послание, не дожидаясь его ответа на первое свое письмо.

Послание написано писцом, руке которого принадлежат еще несколько посланий Витовта Рижскому городскому совету последних лет XIV в. («вторая рука» по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. Р. 318–321, 493, № 7).

О полоцко-рижском торговом конфликте 1396–1397 гг. см. комментарий к № 36.

С. В. П.

38

[1399 г. января 27]. Ольшаны. — Послание вел. кн. лит. Витовта совету г. Риги с сообщением о его предстоящем приезде в г. Полоцк и готовности разрешить там конфликт между полочанами и рижанами

Послание написано в 1399 г.: в январе этого года к Витовту ездил Герман Бадинг, а 6 марта фиксируется пребывание Витовта в Полоцке (№ 39; см. также: HUB. Bd. 5. № 354, 358, 363–365). Праздник Обращения апостола Павла (25 января) приходился в 1399 г. на субботу. Послание написано писцом, руке которого принадлежат еще несколько посланий Витовта Рижскому городскому совету последних лет XIV в. («вторая рука» по классификации Р. Чапайте: *Čarpaitė*. 2007. P. 318–321, 494, № 10).

Герман Бадинг — рижский бюргер, упоминается в 1394–1418 гг. (Erbebücher. 1888. S. 20, 22, 31, 54, 62, 65, 68; *Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 107).

Великий пост в 1399 начинался 12 февраля, таким образом, Витовт планировал прибыть в Полоцк 4 марта (ср. № 39).

Гольшаны (Ольшаны) — центр владений кн. Гольшанских, ныне агрогородок Гольшаны в Ошмянском р-не Гродненской обл. Беларуси.

С. В. П.

39

1399 г. марта 6. Полоцк. — Жалованная грамота вел. кн. лит. Витовта бургомистру г. Риги Т. Ниенбрюгге и риж. купцам на право свободной торговли рижан в г. Полоцке

Несмотря на то, что жалованная Витовта имеет точную дату, издатели «Собрания государственных грамот и договоров» относили ее к 1400 г. Впоследствии же утвердилась правильная дата 1399 г., принятая П. Кеппенем, К. Э. Напьерским, И. И. Срезневским (*Срезневский*. 1882. С. 288), А. Прохаской. В обоснование 1399 г. как года выдачи грамоты К. Э. Напьерский привел важные хронологические выкладки: четверг четвертой недели поста в 1399 г. приходился как раз на 6 марта, указанное в грамоте (Пасха в 1399 г. была 30 марта).

Урегулирование полоцко-рижских отношений в 1399 г. оказалось результатом активного вмешательства великого князя Витовта в их ход, о чём свидетельствует форма грамоты. Документ от 6 марта 1399 г. — это не полоцко-рижский договор, но жалованная великого князя Витовта рижскому купечеству, представленному на переговорах в Полоцке рижским бургомистром Тидеманном Ниенбрюгге, членом городского совета Риги в 1389–1400 гг. (см. о нём ниже), Люббертом Виттенборгом, еще одним членом городского совета (см. о нём: *Bothführ*. 1877. S. 85. № 238), и Германом Бадингом (см. комментарий к № 38). На переговорах с Витовтом в Литве, а затем и с полочанами в Полоцке, они добивались разрешения ездить по торговым делам далее Полоцка, выдачи задержанных товаров и того, чтобы их оставили «при старых правах» (HUB. Bd. 5. № 363–365. S. 183–186).

Условия дальнейшей торговли в грамоте изложены совершенно иначе, чем в подтвердительной Монтигирда, исходившего из практики международных отношений русских земель XIV в. (№ 32). Первым пунктом грамота Витовта предусматривает двустороннее целование креста на том, «што [полочанам или рижанам. — *Сост.*] чинит(и)... все оу правду и оу вѣсѣх, и оу торговли, и во всемъ торговом дѣлѣ». Столь общей и неопределенной формулировки не было ни в одной предшествующей грамоте, не только полоцкой, но и новгородской, смоленской и т. д.

Два других пункта жалованной Витовта, по-видимому, не представляют собой плодов творчества его канцелярии, но восходят к более древним нормам межгосударственных договоров. Второй пункт: «А рубежа не чи[ни]ти промежи себе на шбѣ сторонѣ ни нѣмцем, а ни полочаном» — содержит норму об отказе от задержки купцов противоположной стороны и аресте или конфискации их товаров. Само слово «рубеж» в этом значении созвучно «рубежу» в значении «границы», что нередко вводило исследователей в заблуждение. «Рубеж» подразделялся на прямой (конфискация имущества должника в счет его долга) и косвенный (конфискация у третьих лиц за долги недоступного должника). Подобные акции постоянно происходили в новгородско-ганзейских отношениях, несмотря на запрет «рубежа», повторявшийся из договора в договор (Рыбина. 2008). В жалованной грамоте Витовта данный пункт соответствует статьям: «Рубежа не творити» договора Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1191–1192 г. и «А рубежа не деяти» смоленско-рижского договора 1229 г. (рижской редакции) (ГВНП. № 28. С. 56; датировка: Янин. 1991. С. 81; СГ. С. 38, 43, 49; то же в подтвердительной Фёдора Ростиславича от 18 мая 1284 г.: Там же. С. 66). В других договорных грамотах статья о «рубеже» была сформулирована иначе. Предусматривалось, что «гость» может «ходить» или «гостить» «без рубежа» [договоры Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем: ГВНП. № 6–7. С. 16–17 (1305–1307 гг.); № 12. С. 24 (1317 г.); датировка: Янин. 1991. С. 152–161]. Предоставлялся «путь чист без рубежа». Кара ждала того, «кто учинит рубеж или вывод» (см. московско-рязанские договоры 1381 и 1402 гг., московско-тверской договор 1399 г.: ДДГ. № 10, 20, 15. С. 30, 55, 42; Кучкин. 2003. С. 345, 347). Стороны обещали: «А за рубеж... суда не водити, не судити» (договор Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем 1307 г.: ГВНП. № 10. С. 22; Янин. 1991. С. 155), «рубежа межи себе не замышлати» (московско-тверской договор 1375 г.: ДДГ. № 9. С. 27, 28; Кучкин. 2003. С. 342). Развернутую формулировку о не названном в договоре «рубеже» содержит грамота Гердена 1263 г.: «А где будет(ь) кто кому виноват, в томъ городе правити, где тотъ ч(е)л(о)в(е)къ жить» (№ 1).

Изменчивость статьи о «рубеже», выразившей по существу одно и то же общее положение о правилах средневековой торговли и суда, но формулировавшейся в зависимости от местной традиции, позволяет наметить три группы статей на эту тему: 1) смоленско-новгородско-полоцкие с немецкими городами и Готским берегом, 2) новгородско-тверские, 3) московско-рязанские и московско-тверские. Категорическое запрещение «творити», «деяти» или «чинити» «рубеж» было, возможно, продиктовано партнерами Новгорода, Смоленска и Полоцка. Таким образом, краткий обзор статей древнейших межгосударственных договоров показывает, что второй пункт жалованной Витовта восходит к наиболее древним грамотам, регулировавшим отношения русских и немецких городов, а также Готского берега. В грамотах Северо-Восточной Руси статья о «рубеже» была сформулирована иначе, чем в русско-немецких договорах.

Наконец, третья статья жалованной Витовта также восходит к давней традиции смоленско-немецких отношений. В договоре 1229 г. (рижской редакции) имеется статья: «ити истъцю к ыстьцю» (СГ. С. 33, 43, 49). В той же формулировке, что и в жалованной Витовта, эта статья включена в Нибуров мир 1392 г.: «...знати исцю исца» (ГВНП. № 46. С. 82) и почти в той же — в серию новгородско-тверских докончаний 1317–1318 гг.: «знати ему своего истъця» (ГВНП. № 12, 13. С. 24, 25). Междукняжеские докончания Северо-Восточной Руси этой статьи не знают. В докончаниях рязанских, пронских, новосильских и одоевских князей с великими князьями литовскими 1427, 1442, 1459 гг. эта статья звучит так: «а виноваты истецъ заплатитъ» (ДДГ. № 25, 26, 39, 60. С. 68, 69, 118, 193) и по смыслу отличается от рассматриваемой третьей статьи жалованной Витовта. Можно предполагать, что и эта статья была включена в жалованную по инициативе рижской стороны, апеллировавшей к древнейшим документам, регулировавшим отношения рижан с русскими городами.

Жалованная Витовта лишена санкции. В конечном протоколе очень подробная дата: год (вопреки русскому обычаю — от Рождества Христова, что свойственно многим «русским» грамотам Витовта: *Kosman*. 1971. S. 164), месяц и день (и дополнительно день по церковному календарю). В грамоте имеется пометка «сам», что свидетельствует о составлении грамоты по личному распоряжению Витовта.

Отлична от русских грамот и интитуляция: вместо «се аз» употреблено местоимение «мы». Типичен для «русских» грамот Витовта его титул: «великий князь» (*Kosman*. 1971. S. 164), более скромный, нежели в его же немецких и латинских (в последних имеется ссылка на «Божью милость» и объектная часть — указание географических пределов власти князя: «литовский, русский и проч.»).

В целом анализ этой грамоты убеждает в справедливости мнения М. Космана о большом влиянии русской дипломатики на «русские» грамоты Витовта (*Kosman*. 1971. S. 140) (в данной грамоте это заметно на двух статьях, имеющих несомненное сходство с аналогичными в древнейших dokonчаниях русских городов с их западными и северо-западными контрагентами). Однако и по ней можно судить о складывании иной традиции — литовской, выразившейся в интитуляции, корроборации, особенностях конечного протокола.

Вторая же и третья статьи диспозитивной части грамоты были включены в нее по инициативе рижской стороны, исходившей из норм рижской редакции смоленско-рижского договора 1229 г. Этому не противоречит тот факт, что жалованная Витовта была написана, по мнению А. И. Соболевского, полочанином. Судя по указанным им примерам («у» вместо «в» — «у правду»; «чс» и «шс» вместо «ч» и «щ» — «чсто», «шсто»; «ц» вместо «ч» — «полоцаном», «о» вместо «е» — «цоловати») (*Соболевский*. 1886. С. 11), эти наблюдения относятся не к оригиналу жалованной, а к ее копии. Мнение А. И. Соболевского относительно копии разделяет и Х. Станг: по его наблюдениям писец списка Б жалованной Витовта и писец списка договора 1338 г. — это одно и то же лицо (*Stang*. 1939. S. 15). По-видимому, копия договора 1338 г. была изготовлена для переговоров с полочанами и Витовтом в конце XIV в. Грамота № 39 написана тем же почерком, что и жалованная грамота Витовта виленским каноникам на Березыньскую землю (KDKW. № 36. S. 64–66; подлинник: MAB RS. F 6–6). Близким, но не идентичным почерком написан приговор суда Витовта по делу между виленским «бискупом» и Вигайлом (KDKW. № 93. S. 121–122; подлинник: ВРАУ. Rkps 2017. К. 20). Этот почерк близок почерку ряда грамот канцелярии Владислава Ягайла, но также не идентичен ему (*Stang*. 1935. S. 12–13). Хр. Станг допускал, что писец грамоты № 39 происходил с украинских земель (*Stang*. 1935. S. 21), тогда как Я. Станкевич был склонен отыскивать параллели ее языку в говорах Центральной Беларуси (*Stankiewicz*. 1936. S. 396).

Грамота Витовта 1399 г. создавала базу для дальнейших полоцко-рижских переговоров, состоявшихся только в 1405–1407 гг. (см. № 48–55).

Тидеманн Ниенбрюгге — член городского совета Риги в 1389–1400 гг., упоминается как ландфогт в 1389–1392 гг., бургомистр в 1392 и 1399 гг. Участвовал в заключении «Нибурова мира» ганзейских городов с Новгородом в 1392 г. (*Böthführ*. 1877. S. 84. № 234; ГВНП. № 46. С. 80–83; *Кузнецов, Иванов*. 2011).

А. Л. Х., С. В. П.

40

[1399 г. марта 7 — 1407 г. марта 25. Полоцк]. —
Послание пол. нам. и полочан совету г. Риги с жалобой
на неверные весы и сообщением о взятии воска у полочан

Послание датируется по содержанию и упоминанию рижанина Ивана Колина — Иоганна Кёльне, который привез весы в Полоцк. Он умер до 25 марта 1407 г. (см. о нём ниже). Приве-

зенные им весы упоминаются в одном недатированном послании, написанном в конце года (возможно, 1398 г.: HUB. Bd. 5. № 358), а 31 января 1399 г. рижские послы уже писали в Ригу, что привезенные им весы отвергнуты полочанами (HUB. Bd. 5. № 364). Стало быть, послание было написано до весны 1407 г., но после 1399 г. Ссылка полочан на «хрѣстьное цолованье» не дает дополнительных данных для датировки послания, поскольку такие акции происходили достаточно часто и по разным поводам (№ 30, 31, 39, 42).

Грамота имеет весьма своеобразную салютацию: «здороваетъ намѣсник полоцкый и вси полочане посадниковъ ризских и всѣхъ ратманъ». В ней обращают на себя внимание две особенности: термин «здороваетъ» и обозначение рижских властей как «посадников». Первый термин не встречается нигде, кроме этой грамоты. В более ранних посланиях светских властей или епископа, если он осуществлял и светскую власть, салютация выражалась термином «поклон» или опускалась, а имена отправителей грамоты вводились предлогом «от» с родительным падежом (№ 3, 15, 32). Термин «здороваетъ» больше подчеркивает равное положение адресата и адресанта и более соответствует салютации рижских властей. Второй термин интересен как возможная реминисценция полоцкой терминологии времени независимости от Литовского государства. В сознании полоцкого наместника слово «посадники» еще не стало анахронизмом и архаизмом, за ним еще скрывалось реальное представление о высших городских магистратах. Именованье бургомистров немецких городов «посадниками» характерно для грамот Великого Новгорода, где, впрочем, институт посадничества сохранялся вплоть до падения независимости в 1478 г.

Перечисление нескольких наместников можно объяснить двумя способами. Во-первых, собственно наместником — представителем великого князя мог быть один из них (Домонт, названный первым?), а остальные — его «наместниками» в значении «заместителей», широко распространенном в ВКЛ (например, в Смоленске во второй половине XV в.: LM. Кн. 5. № 17. Р. 45–46; подробнее см.: *Petrauskas*. 2002. Р. 14). Во избежание путаницы великокняжеский наместник иногда уже в XV в. титуловался воеводой, что в начале XVI в. получило повсеместное распространение. Во-вторых, все перечисленные «наместники полоцкие» могли стоять на одном и том же уровне иерархии должностей. Известны случаи одновременного занятия одной и той же наместничьей должности несколькими лицами: так, захватив Смоленск в 1395 г., Витовт назначил туда наместниками кн. Ямонта Тулунтовича и Василия Борейкова (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 379; Т. 6. Вып. 1. Стб. 512), а в Козельске после его взятия в 1406 г. «посадиша посадники своа» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 472). В Ковно в нач. XV в. наместниками одновременно были Ян Сунгайло и Гинтовт, в нач. 30-х гг. XV в. — вероятно, Судивой и Шедибор Волимонтовичи (*Petrauskas*. 2002. Р. 13). В 1386 г. кн. Фёдор Острожский, став луцким наместником Ягайла, принес ему присягу совместно с братом Михаилом (AS. Т. 1. № 7. Р. 7–8). В начале сентября 1432 г., заняв великокняжеский престол, Сигизмунд Кейстутович назначил виленским воеводой трокского воеводу Явна, но сохранил за ним его прежнюю должность, а его «соправителем» сделал князя Олелька Владимировича (GStAPK, OBA 6210; *Petrauskas*. 2003. Р. 180, прим. 136).

Иван Колин — Иоганн фон Кёльне, рижский бюргер, упоминается как член городского совета Риги в 1386–1391 гг. Вёл торговлю солью в Полоцке. Умер до 25 марта 1407 (*Böthführ*. 1877. S. 83. № 226; LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 110; HUB. Bd. 5. № 746. S. 391. Anm. 1).

О положении учеников в Полоцке данных крайне мало, в отличие от Новгорода, где о них много говорится в скре Немецкого двора (*Schlüter*. 1916; *Rohdewald*. 2005. S. 129).

Ондрон Сорочкович — полочанин (в других источниках не упоминается), очевидно, родственник Фёдора Сорочькова из послания «княгини Андреевой» (№ 15).

Домонт, или Довмонт, полоцкий наместник, судя по имени — литовский боярин, также упоминаемый в недатированном послании немецких купцов из Полоцка в Ригу (LVVA.

Ф. 673. Арх. 4. К. 18. Л. 79). По-видимому, от его имени происходит прозвание Степанка Домонтовского (см. № 378).

Василий Дмитриевич Корсак — полоцкий боярин, сын Дмитрия и внук Фёдора (№ 11). Впервые упоминается, возможно, еще в 90-е гг. XIV в. Полоцкий наместник, по-видимому, в начале XV в. и 20-е годы того же столетия (№ 67). В 1432 г. был одним из гарантов договора ВКЛ с Тевтонским орденом (РЛА. № 231b. С. 191; GStAPK, ОВА 6087, 6088). В период династической войны 30-х гг. XV в., как и другие полочане, поддерживал Свидригайла. Подписал послание его сторонников Базельскому собору от 22 марта 1433 г. (ВР. Т. 5. № 1361. Р. 251), в 1435 г. поддерживал контакты с руководством ливонского отделения Ордена и властями Риги (№ 70, 71, 72; *Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 191). В это время, как и в середине 40-х гг. (№ 107), занимал высокое неформальное положение в общественной иерархии Полоцкой земли — вероятно, был ее «старшим боярином» (см. также № 135). Был получателем пожалований Казимира Ягеллона (№ 78). Отец Остафия и Зеновия Корсаков (*Варонін*. 1998. С. 39–42). В. Д. Корсака не следует путать с паном Василием Андреевичем Полоцким, который несколько раз фигурирует в грамотах Свидригайла 1445–1451 гг. (см. о нём комментарий к № 135).

«Вильневьци» — жители Феллина (см. комментарий к № 2).

Различие полоцких и рижских мер веса было отмечено в проектах торгового договора и зафиксировано в окончательной версии договора (№ 48–52, 54, 55).

Учан — вид речного судна. Это слово тюркского происхождения, известное еще в домонгольское время, встречается в полоцких грамотах единственный раз (*Срезневский*. Т. 3. Стб. 1332–1333; *Фасмер*. Т. 4. С. 179).

А. Л. Х., С. В. П.

41

[1400 г.] октября 23. Полоцк. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги с сообщением о намерении запретить поездки риж. купцов далее г. Полоцка в ответ на отказ продать вел. кн. ткани в кредит, об установлении в Полоцке присяжных весцов, с предложением сообщать вел. кн. о случаях продажи полочанами в Риге фальшивого товара

Дата послания Витовта устанавливается благодаря другому его посланию, датированному 4 февраля 1401 г., в котором речь идет о той же ситуации (№ 42). Эта датировка была принята также рижскими архивистами XIX–XX вв. и Р. Чапайте (*Čapaitė*. 2007. Р. 494, № 13). Таким образом, датировка 1399 г., принятая в 1-м издании ПГ (по визиту Витовта в Полоцк весной этого года), оказывается неверной. Письмо написано «третьей рукой» великокняжеской канцелярии (по классификации Р. Чапайте), датированные документы которой относятся к 1400–1406 гг. (*Čapaitė*. 2007. Р. 321–327, 494, № 13). Это один из документов, свидетельствующих, что писец сопровождал великого князя в его поездках; он также дополняет сведения об итинерарии Витовта, сообщая о посещении им Полоцка (ср.: *Purc*. 1971. S. 85).

Ситуация, сложившаяся в Полоцке в октябре 1400 г., описана также в послании полоцкой общины немецких купцов Рижскому городскому совету от 26 октября 1400 г. (РЛА. № 135. С. 105; LECUB. Bd. 6. № 2948. S. 316–317; HUB. Bd. 5. № 433. S. 221). Из него выясняется, что Витовт во время своего визита в Полоцк в ответ на отказ рижан продать ему ткани в кредит принял ряд мер: разрешил хождение в Полоцке исключительно литовского «серебра», конфисковал фальшивый воск у смольнян и полочан и пригрозил делать то же самое с рижским, а также запретил «гостям» (как из Риги, так и из городов ВКЛ) ездить по торговым де-

лам дальше Полоцка. Последнее требование неоднократно выдвигалось самими полочанами и до, и после инцидента 1400 г., поскольку закрепляло за ними функцию торговых посредников. Таким образом, Витовт умело использовал раздор с рижскими купцами для усиления своих позиций в Полоцке.

С. В. П.

42

1401 г. февраля 4. Мереч. — Послание вел. кн. лит. Витовта бургомистру и совету г. Риги с сообщением о возобновлении торговли между Полоцком и Ригой

Послание точно датировано. Оно написано писцом, руке которого принадлежат более десятка документов 1400–1406 гг. («третья рука» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. Р. 318–321, 495, № 16).

О конфликте Витовта с рижскими купцами, разгоревшемся в октябре 1400 г., см. комментарий к № 41.

Мереч — город в Литве, один из ее стратегических центров, ныне — местечко Мяркине (Merkinė) в Варенском районе Алитусского уезда Литвы.

С. В. П.

43

[1402 г. марта 1 или 1403 г. марта 28]. Дубич. — Послание вел. кн. лит. Витовта совету г. Риги с требованием возместить торговые убытки полочан

В «Ливонских грамотах», «Кодексе писем Витовта» и 1-м издании ПГ послание датировано 28 марта 1397 г. (LECUV. Bd. 6. Reg. 1742b. S. 83; ПГ. Вып. 3. С. 177–178), в «Ганзейских грамотах» — 21 марта 1403 г. Однако в первом случае непонятно, почему ответ Витовта на враждебные действия дюнабургского комтура, имевшие место в конце года (см. № 34, 35), последовал лишь в конце марта. Кроме того, в 1397 г. полоцкий наместник и полочане заранее уведомили рижских купцов о разрыве торгового договора, чтобы те могли беспрепятственно покинуть Полоцк в назначенный срок (№ 34). Между тем из послания Витовта видно, что рижане пытались сослаться на полоцко-рижский договор, в нарушение которого задержаны их сограждане. Необходимо принять во внимание и палеографию письма великого князя литовского: согласно классификации Р. Чапайте, оно написано «третьей рукой» канцелярии Витовта, документы которой датированы 1400–1406 гг. (*Čapaitė*. 2007. Р. 321–327, 495, № 17). Более того, этой рукой написаны почти все датированные документы Витовта с 1400 по середину 1404 г. (за исключением одного) (*Čapaitė*. 2007. Р. 494–496, № 13–19, 21–22).

В послании упоминается нападение ливонского магистра на Полоцкую землю без объявления войны. Несомненно, имеется в виду война ВКЛ и Польши с Орденом 1401–1404 гг., во время которой ливонцы нападали на ВКЛ в 1402 и 1403 гг. И хотя прямое свидетельство о нападении немцев на Полоцкую «волость» в нарушение мирного договора («на хрестном целовании») относится к 1402 г. (ПЛ. Вып. 1. С. 27; Вып. 2. С. 110), а для 1403-го имеется лишь известие о разорительном февральском походе ливонского магистра «в Литву» без уточнения его направления (SRP. Bd. 3. S. 265), вторая дата послания выглядит более предпочтительной, поскольку в нём упоминается «надежда на мир»: в 1403 г. начались переговоры Витовта с Орденом о мире (*Błaszczuk*. 2007. S. 286–290). Всё это заставляет принять датировку послания 21 марта 1403 г. как наиболее вероятную.

Как бы то ни было, послание Витовта свидетельствует, что его ответом на нападение ливонцев было задержание рижских купцов в Полоцке: нормальные торговые отношения Полоцка с Ригой, таким образом, стали жертвой агрессивной политики ливонского магистра.

Дубич находится в Литовской земле к юго-западу от Вильни, пребывание там Витовта согласуется с известными данными о его итинерарии (*Pursc.* 1971. S. 86; здесь на с. 85 данное послание отнесено к 1397 г.).

С. В. П.

44

[1402–1404 гг.]. — Послание пол. воев. Прижкента, пол. бояр и «всех полочан» лив. магистру и совету г. Риги с сообщением об освобождении рижанина Еремея, с просьбой отпустить полочан Илью Лишняна, Павла Себезского и Якова Виховичского

Датировка послания вызывает затруднения. В 1-м издании ПГ оно было отнесено к 1439 г. (ПГ. Вып. 1. С. 139; Вып. 3. С. 212–213), и эта датировка утвердилась в историографии (*Petrauskas.* 2002. P. 24; *Petrauskas.* 2003. P. 320). Она подкреплялась ссылкой на исследование Хр. Станга, который отметил сходство почерка грамот № 44 и 68 с почерком полоцкого и рижского (второго) проектов договора 1405 г. (№ 49, 52), оригинала и копии полоцкого экземпляра полоцко-рижского договора 1407 г. (№ 55.I), а также поручительства полочан за пленных начала XV в. (№ 65). По его словам (в свою очередь, со ссылкой на эксперта Й. Булля), почерк послания Прижкента представляет собой модификацию почерка, которым написаны полоцкие документы 1405 и 1407 гг., причем писец № 44 и 68 либо подражал почерку писца грамот начала XV в., либо был его учеником. Различия почерков он объяснял двумя способами: либо разницей материала (№ 44 и 68 написаны на бумаге, в отличие от более ранних — пергаменных), либо различием писцов (*Stang.* 1939. S. 5–6, 16–17). В итоге было решено, что, «скорее всего, сходство почерка объясняется подражанием: в процессе подготовки к переговорам начала 1439 г. полочанам необходимо было снова обратиться к материалам предшествующего соглашения» (ПГ. Вып. 3. С. 213). Между тем палеография и дипломатика грамоты и упоминаемые в ней реалии заставляют пересмотреть эту датировку.

Послание Прижкента написано полууставным письмом, близким к уставу. Отнести к полууставу тот вариант письма, которым написано послание, позволяют главным образом следующие признаки: наличие в буквах «а» и «д» нижних выносных элементов, в буквах «ъ» и «ы» верхних выносных элементов. Фактически все остальные признаки больше характерны для устава. На рубеже XIV–XV вв. в выборе полочанями того или иного типа письма для их посланий наблюдается отказ от устава и переход к регулярному использованию полуустава, в том числе полуустава, переходящего в скоропись. С 40-х гг. XV в. в письме посланий полочан главенствует скоропись. Это дает основание отнести письмо грамоты Прижкента к более раннему времени и датировать его концом XIV — первой четвертью XV в. К рубежу XIV–XV вв. ведет стиль грамоты, имеющий много архаичных черт. Вводная часть интитуляции «се аз» ведет ко второй половине XIV в., когда ею начиналась интитуляция жалованных грамот и вкладных записей (№ 5, 6, 10, 11), и вообще весьма архаична (*Золтан.* 2002. С. 559). Заявление «хочем слушати» напоминает о желании полочан «держати... любовь на обѣ сторон(е)» в № 52. «Просьба и мольба» («просим и молимся») магистру и ратманам намекает на стиль епископских посланий (ср. комментарий к № 68).

К концу XIV — началу XV в. ведут и упоминания Прижкента и его брата Застовта. Литовский боярин Прижкент, по-видимому, идентичен *Przechgindo*, упоминаемому в договоре ВКЛ с Польшей 1401 г., — брату Застовта; последний, в свою очередь, входил в окружение

Витовта в конце XIV — начале XV в. (*Petrauskas*. 2003. P. 309; AUPL. S. 37–38). В других источниках Прижкент в должности полоцкого воеводы не упоминается. Он, разумеется, не может быть идентичен «чоловеку» Прижкенту, который был пожалован Книстовту в Кнетовской волости Жомойти, скорее всего, в начале 40-х гг. XV в. (LM. Kn. 3. P. 50). Скорее всего, не идентичен он и другому носителю того же имени — жомойтскому боярину Прышгенту, которому Сигизмунд Кейстутович распорядился пожаловать человека 29 сентября 1434 г. (LM. Kn. 225. P. 269; датировка: *Палехаў*. 2014. С. 84). Воеводами в XV в. именовались далеко не только высшие светские сановники Вильни и Трок, как было установлено Городельским привилеем 1413 г. (*Старостина*. 1991. С. 288–299).

В силу перечисленных обстоятельств № 44, по всей вероятности, следует связывать с войной ВКЛ и Тевтонского ордена 1401–1404 гг., в ходе которой ливонские войска в марте 1402 г. напали на Полоцкую землю, в частности «псковские гости побиша на озере на Нещерде» (ПЛ. Вып. 1. С. 27; Вып. 2. С. 110). О связи № 44 с боевыми действиями 1402 г. говорят прозвища полочан, которых должны отпустить магистр и рижане. Прозвание Ильи Лишняна, вероятно, происходит от названия с. Лисно на берегу одноименного озера. Это село в форме Лисно или Лисняне упоминается в середине XVI в. (ПР 1552 г. С. 56). Павел Себежский, судя по прозванию, происходил из Себежской волости на северо-восточной окраине Полоцкой земли (ныне г. Себеж — районный центр Псковской обл. РФ). Хотя обычно первым упоминанием Себежа считается известие Мацея Стрыйковского под 1414 г., достоверность этого упоминания весьма сомнительна, как и всего содержащего его рассказа о походе Витовта на Псков, якобы состоявшемся в 1414 г. (*Варонін*. 2004а. С. 21), а археологические исследования показывают, что территория Себежа была заселена и ранее этой даты, начиная с конца I тысячелетия н. э. (*Харлашов*. 2013). Прозвание Якова Виховичского образовано от названия с. Виховичи, упоминаемого в середине XVI в. (ПР 1552 г. С. 90, 96, 100). С. Лисно и Себежская волость находились как раз на пути из Ливонии к оз. Нещердо.

А. Л. Х., А. И. Г., С. В. П.

45

[1403 г. февраля 4 или 1404 г. февраля 3]. Вильня. — Послание вел. кн. лит. Витовта совету г. Риги с предложением прислать послов для обсуждения и разрешения возникшего между рижанами и полочанами конфликта при условии установления мира с ливонским отделением Тевтонского ордена

Послание написано писцом, руке которого принадлежат еще три послания Витовта Рижскому городскому совету, датируемые 1397–1399 гг. («вторая рука» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Čapaitė*. 2007. P. 318–321, 494, № 11). Однако в это время отношения ВКЛ с Ливонией были мирными. Это заставляет думать, что слова Витовта об отсутствии мира в отношениях с Орденом указывают на войну 1401–1404 гг. В таком случае послание не могло быть написано ни в 1401 г., поскольку война началась лишь в марте (*Błaszczyk*. 2007. S. 284–285), ни в 1402 г., поскольку 29 января Витовт еще находился в Кракове на свадьбе Ягайла и не мог к началу февраля успеть в Вильню (*Purc*. 1971. S. 85). Маловероятен и 1404 г., поскольку в это время между ВКЛ и Орденом уже всюду шли мирные переговоры, несколько раз заключалось перемирие (*Neitmann*. 1986. S. 153–157; *Błaszczyk*. 2007. S. 287–295). Всё это склоняет к датировке послания Витовта 4 февраля 1403 г., что не противоречит и его итинерарию.

С. В. П.

46

1403 г. июня 5. Городно. — Послание вел. кн. лит. Витовта совету г. Риги с предложением прислать послов в г. Вильню для обсуждения и разрешения возникшего между рижанами и полочанами конфликта

Послание точно датировано. Оно написано писцом, руке которого принадлежат еще более десяти документов 1400–1406 гг. («третья рука» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Šapaitė*. 2007. Р. 318–321, 495, № 18).

В грамоте № 46 обращают на себя внимание сразу несколько моментов. Во-первых, Витовт титулуется не великим (*magnus*), а верховным (*supremus*) князем Литвы. Во-вторых, грамота написана на латыни, хотя послания Витовта властям Риги обычно писались на немецком (средневерхненемецком), которым писец грамоты прекрасно владел. Возможно, оба эти новшества преследовали одну цель — подчеркнуть дистанцию между Витовтом и властями Риги, его суверенные права на территории ВКЛ. Этой цели подчинено и содержание грамоты. В свою очередь, стремление полочан вести переговоры с рижанами лишь при посредничестве Витовта, вероятно, объясняется количеством и остротой накопившихся вопросов, которые не удавалось решить на двусторонних переговорах (об этом ярко свидетельствуют послания немецких купцов из Полоцка в Ригу, в которых постоянно поднимаются одни и те же вопросы торговли двух городов на Двине), и вместе с тем свидетельствует о степени интеграции Полоцкой земли в состав ВКЛ, коль скоро полочане видели в Витовте своего могущественного защитника.

Праздник св. Петра — 29 июня 1403 г.

С. В. П.

47

[1405 г. января 1]. Грути. — Послание вел. кн. лит. Витовта совету г. Риги с сообщением о намерении поддержать полочан в их требованиях, касающихся торговли, с требованием соблюдать принятые правила при плавке серебра, ввозимого в г. Полоцк, с сообщением о распоряжении, данном полочанам, присягнуть о соблюдении правил торговли

Послание написано писцом, руке которого принадлежат еще более десяти документов 1400–1406 гг. («третья рука» канцелярии Витовта по классификации Р. Чапайте: *Šapaitė*. 2007. Р. 318–321, 495, № 14).

Вопросы, обсуждаемые в послании, в частности о розничной торговле тканями, мехами и воском в Полоцке, приобрели особую актуальность накануне заключения торгового договора 1406 г., судя по их детальной регламентации в полоцком проекте 1405 г. и окончательном варианте торгового договора (№ 52, 54, 55). На время до 1406 г. указывает и упоминание пудных весов («*bezemet*»), употреблявшихся для взвешивания воска. Поэтому следует думать, что послание Витовта написано 1 января 1405 г. Его итинерарий не позволяет уточнить эту датировку.

Золотник — мера веса, равная примерно 4 г серебра.

Грути — ныне дер. Грутас в Алитусском уезде Литвы, близ г. Друскининкай.

С. В. П.

48

[Около 1405 г. мая 17. Рига]. — Договор между г. Полоцком и г. Ригой о торговле. Рижский проект. Черновик

49

1405 г. мая 17. [Рига]. — Договор между г. Полоцком и г. Ригой о торговле. Рижский проект

50

[1405 г. мая 17 — 1406 г. июня 30]. — Договор между лив. магистром Конрадом фон Фитингхофом и г. Ригой, с одной стороны, и вел. кн. лит. Витовтом, Полоцком и др. землями Вел. кн-ва Литовского, с другой стороны, о торговле. Проект лив. магистра и г. Риги

51

[1405 г. мая 17 — 1406 г. июня 30]. — Договор между вел. кн. лит. Витовтом и полочанами, с одной стороны, и лив. магистром Конрадом фон Фитингхофом и г. Ригой, с другой стороны, о торговле. Проект экземпляра Витовта и полочан

52

1405 г. июня 21. — Договор между г. Полоцком, с одной стороны, и лив. магистром [Конрадом фон Фитингхофом] и г. Ригой, с другой стороны, о торговле. Полоцкий проект

Грамоты № 48–52 представляют собой проекты полоцко-рижского торгового договора, отразившие разные этапы его выработки. Она заняла больше года: первый датированный проект (№ 49) относится к 17 мая 1405 г., предшествовавший ему проект (№ 48), возможно, был составлен еще ранее, а договор был заключен лишь 30 июня 1406 г. (№ 55). Рижские расходные книги, которые за XV в. сохранились с конца 1405 г., под 1405–1406 гг. фиксируют поездки полоцких послов в Ригу, рижских — в Полоцк и к Витовту (*Bulmerincq*. 1909. Bd. 1. S. 78, 80).

Первый этап отразили рижские проекты № 48 и 49. Они излагают условия договора, предложенные рижской стороной, в одинаковой последовательности и в очень близких, местами совпадающих выражениях. Первоначальный вариант представлен в № 48: об этом свидетельствуют отсутствие начального протокола и даты, неудачный грамматический и синтаксический строй текста и неумелое начертание букв (фактически они не написаны, а нарисованы). Всё это говорит о том, что писцом № 48 был немец, для которого «русский» язык не был родным. Смещение «ц» с «ч», «з» с «ж», «с» с «ш» («мѣсяние» вместо «мѣшание») характерно для Пскова и, в меньшей степени, для Новгорода, что говорит об изучении писцом грамоты древнерусского языка в одном из этих городов. Особенно ярко об этом свидетельствует последний пример, поскольку первые две пары букв писец мог смешивать в силу отсутствия в его родном немецком языке противопоставления указанных фонем и, как следствие,